

Ольга Ярошинская

Как приготовить
дракона

16+

Ольга Алексеевна Ярошинская

Как приготовить дракона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68062028

SelfPub; 2022

Аннотация

В нашу деревню едет дракон! Не по своей воле, конечно, а в ссылку, и всего на месяц. Но все жители Лоханок надеются использовать это время с пользой. Городничий хочет выдать за дракона дочь, наш местный певец – найти в его лице спонсора для взлета карьеры, а я... А мне позарез надо, чтобы дракон остался в Лоханках навсегда.

Содержание

ГЛАВА 1. Едет!	4
ГЛАВА 2. Знакомство	14
ГЛАВА 3. Прогулка к озеру	23
ГЛАВА 4. Утро в Лоханках	39
ГЛАВА 5. Прыжок	53
ГЛАВА 6. Тайны и секреты	66
ГЛАВА 7. Хижина	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Ольга Ярошинская

Как приготовить дракона

ГЛАВА 1. Едет!

– Сегодня ты превзошла саму себя, – похвалил рен Фейрех, подбирая остатки подливки куском хлеба.

Отправив его себе в рот, прожевал, жмурясь от удовольствия.

– Эх, были бы ваши Лоханки поближе к столице, – продолжал он сыпать соль на рану. – А так и останешься тут прозябать. Последний раз предлагаю – полный пансион, десять монет в месяц, неделя отпуска...

– Не могу я Лоханки бросить, – буркнула я, забирая пустую тарелку. – Рен Фейрех, если бы вы дали моей таверне звезду...

– Вот и я не могу, – с удовольствием отказал он. – По хорошему, я бы тебе сразу три влепил. Такого вкусного жаркого даже в моем Павлине не подают.

– Именно, – рассердилась я, чувствуя, как щеки загорелись от прилившей крови. Я терпеть не могла умолять, но от этого мужичка с круглыми щечками зависело мое будущее. – Хромой Единорог – отличное заведение. Если бы вы дали хотя бы одну звезду – я не прошу три – внесли бы в реестр,

в Лоханки потянулись гости...

– Условия, – назидательно поднял указательный палец рен Фейрех. – В золотой реестр едален заносятся лучшие таверны исконных городов, то бишь тех, где живет хоть один носитель древней крови. Это не с неба взятое правило. В реестр попадают заведения, в которых, теоретически, мог бы отобедать Владыка. Каждый год он ездит по стране с визитами к исконным вассалам. В ваших Лоханках есть такой?

Он смотрел на меня блестящими глазками, ожидая ответа, но я молчала.

– Может, ваш городничий, который выглядит так, будто его побили пыльным мешком, на самом деле ворожбит? А может, вон та компания лесорубов, – он кивнул на столик в углу, за которым, сосредоточенно перемалывая челюстями мясо, ели четверо мужиков, – никакие не лесорубы, а, допустим, вервольфы? Или ты, милая Кэйтлин Тут, скажем, дракон?

Он мелко засмеялся, так что его рыжая бороденка, испачканная подливой, затряслась, и я нехотя ответила:

– Нет.

– Вот и я говорю, – важно кивнул рен Фейрех. – Нет, милая Кэти. Я не могу дать звезду твоему Единорогу, но снова предлагаю работу. Бросай эти Лоханки! Что ты вцепилась в них, как клещ в пёсье ухо? Тут даже женихов подходящих нет. А годы идут, женский расцвет короток, – его маслянистые глазки пробежались по моей фигуре. – Эх, был бы я

холостой...

Я оперлась локтями на стойку, устроив подбородок на сплетенные в замок пальцы, и отвернулась ко входу, где слышались приближающиеся голоса. Кто бы это мог быть? Обеденное время заканчивается, и все, кто хотел, перекусили в славной таверне «Хромой единорог».

– Здесь мой дом, работа, – задумчиво сказала я. – Лоханки – чудесное место.

– Болото, – припечатал рен Фейрех. – Никакого движения. Застой, гниль и скука. Послушай меня, милая Кэти, я желаю тебе только добра...

– Едет! – выкрикнул городничий, вламываясь в таверну, так что тяжелая деревянная дверь с грохотом впечаталась в стену.

– Кто едет? – спросила я, выпрямляясь и чувствуя, как сердце заколотилось быстрее.

– Ссылный, – выдохнул городничий, подходя к стойке, и я налила ему полную чашку клюквенного морса и придвинула тарелку крендельков. – Гарольд Шпифонтейн собственной персоной! Вы только подумайте! Полсотни лет ни одного ссылного, даже самого завалящего, а ведь каждый раз это способствовало безудержному росту города, промышленности, культуры...

– Ссылный? – переспросила я, а мое сердце забилося еще сильнее, точно колокол, которым в Лоханках созывали на службу.

– Рост города? – недоверчиво уточнил рен Фейрех.

– Эти ссыльные аристократы все малость того, – покрутил пальцем у виска городничий. – Одному, лет триста назад, вздумалось устроить в Лоханках соревнование по гребле. Как итог – лесопилка, лодочная мастерская, мелиоративные работы. Другой, последний наш, был любитель театра. И что вы думаете?

– Что?

– Актеры к нам ехать не хотели, так он решил их на месте вырастить. Школу построил. Так что все дети в Лоханках умеют читать и уровень образования у нас ого-го.

Он сжал кулак и потряс им в воздухе перед носом рена Фейреха, а я машинально кивнула, подтверждая слова городничего. Школа в Лоханках была, и неплохая. А уж библиотека... Триста двадцать восемь книг!

– Какое счастье, – выдохнул городничий. – Хоть бы этот Гарольд Шпифонтейн тоже оказался с причудами. Хорошо бы ткацкую фабрику открыть, или, к примеру, организовать охотничий турнир. Тогда бы к нам приехали его друзья, я бы наконец пристроил Мэриан замуж, а ты, Кэти, гребла бы золото лопатой! Ведь все они останавливались бы у тебя. Собственно, я за этим и пришел, – он махом выпил весь морс и, пригладив усы, сгреб горсть крендельков и сунул в карман. – Приютишь его?

– Ссыльного? – возмутилась я. – Преступника? А вдруг он перережет мне горло во сне, или еще чего похуже!

– Стал бы я селить к тебе убийцу, как считаешь? – рассердился городничий. – Я ж тебя люблю как родную дочь!

Я посмотрела на него с иронией, и он исправился:

– Ладно, Мэриан я люблю несравнимо больше, но ты мне тоже дорога. Никто так не готовит пироги с перепелами, и если тебе однажды перережут горло во сне, или еще чего похуже, то я буду очень горевать.

– Верю, – буркнула я.

– Он какую-то дуэль затеял, – пояснил городничий. – И даже не убил того, второго, а только ранил, но Владыка рассердился и сослал его к нам. Не преступник, а одно название.

Я задумчиво протерла стойку, хотя та и так блестела. Конечно, можно взять постояльца. Наверху есть комнаты, которые обычно пустуют, потому что сюда, в Лоханки, ездить особо не зачем.

– Куда еще мне его селить? – продолжил наседать городничий.

– К себе, – предложила я. – Поближе к Мэриан. Вдруг и правда женится.

– Неприлично, – сурово отрезал он, а мы с реном Фейре-хом многозначительно переглянулись.

Мэриан не обременяли строгие моральные принципы, и во всех Лоханках только ее папаша об этом не знал.

– И надолго к нам этот рен Гарольд как-его-там? – поинтересовалась я и, забрав пустую чашку у городничего, ополоснула ее под краном.

– Гарольд Шпифонтейн, – исправил городничий. – И не рен, а герен. На месяц всего.

Чашка выскользнула из моих рук и чудом не разбилась, грохнувшись в раковину.

– Он из исконных? – уточнила я, еще не веря своему счастью, а рен Фейрех насупился.

– А то! – подтвердил городничий с такой гордостью, будто это в нем текла древняя кровь. – Знаешь, кто он? Лучше сядь, или крепче держись за стойку. Готова?

– Не томите, – попросила я.

– Дракон, – с придыханием произнес он, выпучив глаза.

Расплывшись в улыбке, я перевела взгляд на рена Фейреха.

– Исконный вассал Владыки, – медленно сказала я. – В Лоханках. Теперь я могу получить звезду. Три звезды!

– Не спеши так, – проворчал рен Фейрех и повернулся к городничему. – На сколько его к вам, говоришь, сослали? На месяц? Золотой реестр едален обновляется через два. К этому моменту твой дракон уже улетит назад в столицу, милая Кэти. Увы и ах.

Он сгреб оставшиеся крендельки и, закинув парочку в рот, пошел к выходу.

– А если он останется здесь? – выкрикнула я ему в спину.

– В Лоханках? – фыркнул рен Фейрех, обернувшись у двери. – Тогда он точно с прибабахом.

Дверь за ним захлопнулась, а я повернулась к городниче-

му.

– Всего месяц, – вздохнул тот. – Не мог натворить чего посерьезнее? Или уж прикончить того несчастного, да простят меня боги. Вряд ли фабрику успеем. А охоту можно, как думаешь?

– Можно, – кивнула я, думая о другом.

Бросив салфетку, я обогнула стойку и, выйдя из таверны и запрокинув голову, уставилась на вывеску. Я самолично освежила краску с месяц назад, и единорог, вставший на дыбы, был белым, как облачко. Звезду можно прикрепить под копытами. Или лучше под хвост? Не так поймут... В гриву? Уперев руки в бока, я придирчиво рассматривала единорога. Да, в гриву вроде неплохо.

Пусть герена Гарольда Шпифонтейна сослали всего на месяц, но можно попытаться сделать так, чтобы он полюбил Лоханки всей душой. И тогда после окончания ссылки он останется здесь навсегда.

Карета тряслась по проселочной дороге, и Гарри проклинал каждую кочку. Сиденья были жесткие, экипаж – ноги не вытянешь, вдобавок через маленькое окошко впереди несло перегаром кучера.

Хотелось вырваться из этой трясущейся клетушки, расправить крылья и взлететь в хмурое серое небо, похожее на рыхлую комковатую кашу, вспороть мокрые облака, устремившись в лазурную высь. Гарри повел плечами, унимая

привычный зуд в лопатках, и уставился вдаль.

Глупо получилось. Петер, конечно, зарвался, подшучивая над ним на том пиру. Но, по-хорошему, Гарри должен был посмеяться вместе со всеми. Нет же, выиграла фамильная гордость или, скорее, спесь, и он потребовал удовлетворения, сделав только хуже. Теперь всем ясно, что в каждой шутке есть доля правды, и слова Петера стали повторять на каждом углу. К счастью, Гарри к дуэли уже поостыл и поэтому не стал убивать нахала, лишь слегка задев плечо. И вот Петер будет хвастаться перед дамами свежей повязкой, а ему, Гарольду, придется целый месяц томиться в какой-то глуши с дурацким названием, которое вечно вылетало у него из головы.

– Скоро уже эти Корытца? – нетерпеливо спросил он у кучера.

– Лоханки-то? Скоро, вашисконность, – привычно ответил тот, как и час, и два назад. Однако потом добавил: – Вон уж виднеются.

Высунувшись из экипажа, Гарри и правда увидел высокую колокольню храма, а под ней – россыпь приземистых крыш, укрытых потемневшей соломой. Всего месяц – утешил он себя. Пролетит – не заметишь. Потом будет вспоминать об этом, как о приятном отдыхе. Свежий воздух, охота, селяночки...

Экипаж трясся по дороге, приближаясь к месту его ссылки, и уныние, которое Гарри настойчиво гнал от себя, охва-

тывало его все сильнее. Впасть бы в спячку и проснуться через месяц, чтобы не видеть ни этих убогих огородов, ни чумазных детей, ни брехливых собак, что уже целой сворой бежали следом.

— Куда ссыльного доставлять? — гаркнул кучер, завидев девку, что придерживала корыто, оперев его на крутое бедро. — До городничего?

— До Кэти, — ответил женский голос. — Там его уже все ждут.

Гарри вообще не хотелось знать ни кто эти все, ни кто такая неведомая Кэти. Он с раздражением дернул узел шейного банта, борясь с желанием выскочить прочь и побежать назад со всех ног.

— Тппррр, — громко скомандовал кучер, натянув поводья, и экипаж, тряхнувшись в последний раз, остановился.

Гарри сдержал рвотный позыв, с усилием сглотнул горькую слюну и открыл дверь. Ступив наружу, тут же увяз в густой рыжей грязи по самую щиколотку.

Поглазеть на него собралась вся деревня: крепкие мужики смотрели настороженно и угрюмо, женщины, сбившись в кучки, хихикали и шептались, глазастая детвора облепила все заборы как стайка скворцов.

Гарри с усилием поднял ногу, и жирная грязь жадно чавкнула, нехотя отпуская его ботинок, бежево-розовый оттенок которого продавец пафосно называл цветом щечек любимой женщины.

– Вот дерьмо, – вздохнул Гарри, понимая, что замшу уже не отчистить.

– Милости просим в Лоханки, ваша исконность, – торжественно объявил усатый мужик, слегка подтолкнув вперед дородную девку с подносом в руках.

Гарри с тоской окинул взглядом выдающиеся стати блондинки, отщипнул кусок хлеба и закинул в рот.

– Пожалуйста сюда, герен Шпифонтейн, – поклонившись, указал мужичок на распахнутые двери, к которым, надо же, вела ковровая дорожка. Ступив на нее, Гарри оттер грязь с ботинок, и повернулся к кучеру.

– С багажом аккуратно, – строго приказал он и пошел отбывать срок.

ГЛАВА 2. Знакомство

Я сбилась с ног, готовясь к приезду ссыльного: лучшая комната сияла чистотой и благоухала свежестью, фирменное блюдо – каре ягненка в клюквенной подливке – томилось в печи, ожидая своего часа. Я даже выстелила ковром дорожку к таверне и отжалела монету Франтику, чтобы тот не играл на своей лютне и не испортил первое впечатление от Лоханок.

Герен Шпифонтейн прибыл к вечеру, слегка задержавшись в пути. Он оказался мужчиной видным и широкоплечим, и женщины, собравшиеся за забором, тут же принялись вздыхать и хихикать, обсуждая и модную прическу – по бокам головы выстрижено короче, а сверху и сзади длиннее, – и шейный платок в розовую полоску, и серьгу, блестящую в левом ухе, точно у какого-то пирата.

Он вышел из экипажа, выругался, вступив в самую грязь, вытер ноги о мой ковер и, отломив горбушку от хлеба, поднесенного Мэриан, прошел в таверну. Пряча волнение, я вцепилась в передник, нещадно комкая его под стойкой.

– Добро пожаловать в Лоханки, герен, – улыбнулась я.

Он окинул скучающим взглядом обеденный зал и спросил:

– Моя комната?..

– Наверху, – выпалила я. – Желаете отужинать? Или спер-

ва принять ванну? Может быть, у вас есть какие-то предпочтения касательно распорядка дня?

– Проведите меня, – приказал он.

– Как пожелаете, – ответила я, выдавив очередную профессионально приветливую улыбку. – За мной следуйте, пожалуйста.

Я пошла к лестнице, сделав страшные глаза в сторону толпы, что собралась в дверях.

– Осторожно, балка низкая, – предупредила гостя, который последовал за мной, однако он уже вписался в нее лбом, и сердито зашипел. – Ой, простите!

Я повернулась и быстро ощупала лоб мужчины, но тот перехватил мою руку. Сейчас, когда я стояла ступенькой выше, мы были почти вровень, так что его глаза оказались напротив. Красивые... Немного удлинённые, с пушистыми темными ресницами, вот только цвет разобрать не получалось. Вроде бы серые. Хорошо бы посмотреть при дневном свете.

– Я в порядке, – холодно произнес герен. – Комната.

– Последняя по коридору, – опомнившись, сказала я, вновь идя вперед и кляня себя за неуклюжесть.

Зачем я полезла его щупать? Может, к этим драконам вообще нельзя прикасаться простолюдинкам вроде меня. Кожа у него оказалась теплая и гладкая, никакой чешуи. По крайней мере, на лбу.

– Самая тихая и просторная спальня, – добавила я. – Из окон открывается чудесный вид.

Открыв дверь, посторонилась, пропуская его.

– Прикажете подать ужин сюда?

Сбросив грязные ботинки, Гарольд Шпифонтейн вошел в комнату, окинул взглядом обои в цветочек, гуся, скрученного из полотенец, и горшочки с фиалками на подоконнике, а после довольно громко застонал и захлопнул дверь перед моим носом.

– Хам, – вырвалось у меня.

Очевидно, Лоханки его разочаровали. Но именно это чувство испытала и я. Разочарование. Я ждала дракона, исконного вассала, носителя древней крови, но вместо умудренного летами мужчины, способного разглядеть тихую прелесть сельской жизни, явился какой-то столичный хлыщ в розовых ботинках. Хмурясь и покусывая губы, я двумя пальцами подняла ботинки за шнурки и спустилась вниз, где ждали городничий вместе с дочкой и еще целая толпа.

– Ну, как? Что сказал? Чего хотел? – торопливо спросил городничий.

– Ничего, – буркнула я, бросив ботинки в лохань позади стойки. – Устал с дороги, наверное.

– Может, усладить его слух изысканной песней? – предложил Франтик, бренькнув по струнам.

– Сдурел? – поинтересовался городничий. – Он мужчина утонченный, сразу видно. А от твоего воя даже медведи разбегаются. Хочешь, чтобы герен из окошка сиганул?

– А что ему станется, – невозмутимо пожал плечами

Франтик. – У его ж крылья.

Вот бы посмотреть, как он превращается в дракона! Распахивает крылья и летит, летит над нашими Лоханками, и крылатое отражение плывет по озеру...

– Так, все на выход! – скомандовал городничий. – Не будем мешать дракону. А ты, с лютней, первым вон.

– А ужинать? – с надеждой спросил один из мужиков.

– Дома поешь, – отрезал он.

– Пахнет так, что я сейчас язык проглочу, – не сдавался тот.

Я обернулась в сторону кухни, откуда доносился аромат жаркого. Ягненка и правда было жаль. Завтра вкус будет не тот.

– Так, не расходимся, – приказала я. – Если уважаемому исконнику приспичило поголодать – его право. Зря я, что ли, полдня готовила? Все к столу!

Жаркое уминали за милую душу, но, поостыв, я все же отрезала хороший кусок герену. Пусть первое знакомство не задалось, но я не собиралась отступать от плана. Полив запеченные ребрышки клюквенным соусом, я вынула из печки горшочек с томленным картофелем и грибами. Устроив все на поднос, добавила блюдце с маринованными огурчиками и чесноком, чашку с фирменным морсом, два ломтя свежего ржаного хлеба...

– Ты отнес его чемоданы? – спросила я у Виктора, который составлял грязную посуду в таз.

– Отнес, – кивнул Виктор. – Он там лежит и страдает. На меня и не посмотрел.

– Хам, – с раздражением повторила я, осознав, что больше всего меня задело равнодушие герена.

Не то, чтобы я была такой уж красавицей, но привыкла, что при взгляде на меня мужчины смягчаются, приосаниваются и начинают подкручивать усы. А у этого Шпифонтейна и усов-то не было! Весь такой гладко выбритый, причесанный, словно вылизанный весь... Не должен быть мужчина таким ухоженным и красивым! Что тогда остается нам, женщинам?

Я потеряла запястье, словно бы хранившее прикосновение герена, и еще раз осмотрела блюда, внезапно подумав, что и они, возможно, не дотягивают до высоких столичных стандартов.

– Заменишь меня? – попросила я, и Виктор, кивнув, пошел за стойку.

А я, взяв увесистый поднос, поднялась по лестнице, постучала и, толкнув дверь попой, вошла в комнату. Гарольд Шпифонтейн, прикрыв глаза, лежал на кровати, а гусь, которого я крутила из полотенца добрых полчаса, валялся на полу, отброшенный безжалостной рукой.

– Ужин, – сухо сказала я.

Поставив поднос на столик у камина и усадив гуся на стул, я ушла, хлопнув дверью.

Гарри приоткрыл глаза и посмотрел на еду, оставленную трактирщицей. Девушка, которая видно и есть та самая Кэти, оказалась очень миленькой. Невысокая, аппетитная, вся такая чистенькая, словно с картинки, золотисто-рыжие волосы заплетены в косы и уложены на затылке, но упрямые кудряшки выбивались на висках и надо лбом. Она предупредила о низкой балке, но он не слушал, занятый своими мыслями, и потом так искренне всполошилась, словно бы и правда волновалась о нем.

Вряд ли кого-то в столице взволновал или огорчил его отъезд. Быть может, Руальда вздохнет одинокой ночью, но, скорее всего, она нашла ему замену, когда еще не улеглась пыль от колес его экипажа.

А ведь всего этого можно было так легко избежать...

Огурчики пахли на всю комнату, вытесняя мысли и о Руальде, и о подлом Петере, и о Владыке, который не захотел понять его щекотливую ситуацию и просто отослал Гарри с глаз долой. Было совершенно невозможно страдать в одной комнате с этими коварными огурцами... И ладно если б они одни! Остальные блюда пахли и выглядели не менее соблазнительно. По румяным ребрышкам стекала густая красноватая подлива, хлеб будто нарочно повернули к нему хрустящей корочкой, а глиняная кружка запотела от чего бы там в нее не налили.

Кэти старалась, готовила, тащила это все наверх. Будет невежливо хотя бы не попробовать.

Вздыхнув, Гарри сел, глядя на искушение, а потом и вовсе встал, подошел к столу и стянул один огурчик.

Захрустев, он зажмурился от удовольствия и, уже не сомневаясь, опустился в удобное кресло и снял крышку с горшочка. Аромат грибов и картофеля рванул вверх, и рот наполнился слюной от предвкушения удовольствия.

Покончив с едой, Гарри сыто отвалился от стола и выдохнул, благосклонно глядя на гуся из полотенца, который почему-то оказался на стуле напротив. Кормили тут, надо признать, божественно. Даже его тоска куда-то ушла, сменившись твердым решением решить возникшую проблему. Дракон он, в конце концов, или нет?

В столице за каждым шагом исконников следили и репортеры, и светские сплетники, и просто зеваки. Здесь же, в Кастрюльках, он может творить что угодно, не опасаясь, что это станет известно Владыке. Он проведет этот месяц с пользой, а потом утрет нос всем недоброжелателям, вернувшись в столицу и наглядно продемонстрировав, что все слухи, распускаемые про него, – подлая ложь.

Поднявшись с кресла, Гарри открыл дверь в углу и обнаружил ванную комнату. Здесь было довольно скромно, но опрятно: вместительная чугунная ванна, блестящий кран. Не особенно веря в удачу, Гарри крутанул один из вентиляй, и от струи воды повалил пар.

Быстро бросив одежду, пропахшую потом, лошадьми и забулдыгой-кучером, Гарри вошел в ванну и, вытянув ноги,

устроил голову на мягкой подушечке из светлой кожи. Заметив шнурок на стене, задумался ненадолго и потянул. Если сейчас та рыжуха еще и потрет ему спину, которая зудела сильнее, чем обычно, он снимет все претензии к Лохушкам.

А может, удастся уговорить селяночку на что-нибудь еще? Ванна большая, а он совсем не против потесниться.

Теплая вода смывала усталость с его тела, и Гарри закрыл глаза, наслаждаясь и предвкушая еще большее удовольствие. Дверь скрипнула, и он лениво выпростал руки на края ванны. Сейчас главное не спугнуть. Действовать осторожно и аккуратно.

Он повернул голову, нежно улыбаясь, и дернулся от неожиданности так, что вода плеснулась за бортик. Выпрямившись, Гарри уставился на мужика, который загораживал дверной проем.

– Зачем трезвонил? – угрюмо и без малейшего почтения спросил мужик. – Вода вроде есть, мыло на полке. Чего надо?

– А вы, собственно, кто? – поинтересовался Гарри.

Бритый почти наголо, выцветшая полосатая майка без рукавов обтягивает мощный торс, на правом плече наколка с непонятными завитушками.

– Работаю тут, – без особой охоты ответил здоровяк. – Полотенце, что ли, принести?

– Да, – кивнул Гарри. – Полотенце.

Мужик исчез в комнате, а после явился с кривоватым гусем, встряхнул его так, что полотенце размоталось, и пове-

сил на крючок на стене. Посмотрев на Гарри с мрачной угрозой, которая, видимо, должна была отбить всякую охоту звонить в колокольчик, мужик шагнул к дверям, но, передумав, развернулся и склонился к ванне, опершись на бортик.

– Давай сразу проясним, – проникновенно сказал он. – Если полезешь к Катьке, я тебе все пальцы переломаю, один за одним. Усек?

– Отец, что ли? – уточнил Гарри.

– Нет, – ответил мужик. – Но это ничего не меняет.

Выпрямившись, он указал двумя пальцами сперва себе в глаза, а затем на Гарри и наконец ушел, аккуратно закрыв за собой дверь.

– Деревня, – процедил Гарри, а потом взял с полки мыло.

Пахло оно без особых изысков, но было увесистым и без прилипших волос. Пойдет.

ГЛАВА 3. Прогулка к озеру

Таверна опустела, Виктор закрыл дверь за последним посетителем и теперь гремел на кухне посудой, Мила, моя помощница, уже ушла домой, и я, вынув припрятанную под стойкой книжку, устроилась на стуле в уголке.

– Сведения занятные, устрашающие и пользительные об истонных обитателях земель, вод и небес, – прочитала я и открыла страницу, заложенную веточкой петрушки.

Я уже читала эту книгу когда-то, но решила посмотреть вновь – вдруг что-то забыла. Самописной ручкой, подаренной мне Виктором на прошлый день рождения, я подчеркнула драконьи моральные качества, которые в целом были выше всяких похвал, за исключением амбициозности, тяги к любви страстной, особливо с девами, блуда не ведающими, и некоторой алчности до сокровищ, которыми драконы не желали делиться ни с кем.

– Где мне взять в Лоханках девицу, блуда не ведающую? – вслух пробормотала я.

– А ты с кем это успела погулять? – яростно выпалил Виктор, выглянув из кухни. – С кузнецом, что ли? Он же мне обещал, что...

– Да отстань ты от меня со своим кузнецом!

– Значит, Фейрех не просто так сюда шляется. Так и думал. Да я ему...

– Во-первых, это не твое дело, – резковато ответила я. – Ты мне не отец.

– Всыпал бы ремня! – кипятился он.

– А во-вторых, не успела я ничего, – оборвала я Виктора. – И с драконом тоже не собираюсь. А что еще делать – не представляю.

– Давай рассказывай, – потребовал он, вытирая руки. – Что тебе надо от этого ссыльного пижона?

– В идеале, чтобы он остался в Лоханках навсегда, – вздохнула я.

Виктор задумчиво поднял глаза к потолку и предложил:

– Допустим, если сломать ему ноги...

– Ты что! – возмутилась я. – Ну-ка, брось эти свои методы.

– Действенные и простые.

– Понимаешь, если в Лоханках будет хоть один исконник, то рен Фейрех даст моей таверне звезду, внесет ее в реестр, и тогда к нам станут ездить новые люди...

В глубине души я была согласна с реном Фейрехом: Лоханки и правда напоминали болото. Так почему бы не всколыхнуть эту трясину?

– Пойдешь со мной сегодня на озеро? – спросил Виктор.

– Пойду, – согласилась я и положила книжку на стойку. – Только с посудой разберусь.

Я прошла на кухню, оглядела гору тарелок и шеренги кружек, выстроенные в огромных раковинах, которые Виктор соорудил по моей просьбе, и включила кран, из которого по-

слушно потекла вода. Все были уверены, что Виктор сделал для меня дивную систему подвода воды – и он на самом деле проложил трубы, которые мастерил с кузнецом битых полгода. А вот воду по ним пустила я. Для болотной ведьмы это, как оказалось, сущая мелочь.

Вода была всюду – и на земле, и под землей, и на небе. Надо – бери. И однажды, почти сразу после смерти матери, я поняла, что могу управлять водой, даже не задумываясь. Я радовалась неожиданному подарку судьбы и не догадывалась, что это неправильно, пока не прочитала в той самой книжке про исконных обитателей, что есть у них враги – ведьмы, управляющие стихиями.

К счастью исконников, всех ведьм, пришедших из иных миров, давно извели, ибо твари эти были злобными и жадными и хотели только лишь господства над всем живым – так гласили безжалостные строки. Поплакав над ними немного, я призналась самой себе: да, я, наверное, злобная. Когда рябой Ганс плюнул моей кашей на пол, я запретила ему приходить снова. И как он ни умолял – не смягчилась. И жадная я: каждый раз радуюсь, пересчитывая дневную выручку, и звезду на таверну очень хочется, ведь тогда мой сундучок с монетками будет наполняться быстрее. И господство над людьми – штука приятная. Стоило появиться в Лоханках Виктору, как я быстро поняла, какой он бесценный работник и заманила его в таверну посулами, вкусной едой и кровом, и с тех пор бессовестно использую его с утра до вечера. Он

вроде не против, но факт есть факт. Книжки не врут. А значит, я, Кэйтлин Тут, оставшаяся сиротой пять лет назад, бо-лотная ведьма.

Я повела руками, и вода закрутилась в смерч, который принялся плясать по тарелкам, кружкам и столовым приборам, не выходя за пределы раковины. Через полчаса все будет блестеть и сверкать так, как не отмыла бы и опытная посудомойка.

Нельзя уезжать из Лоханок. Здесь я своя. И если кто-то что-то и подозревает, то держит язык за зубами. Да и кому пожалуешься? Городничему, который сам сказал, что любит меня как вторую дочь? Он очень помог мне после смерти матери – ходил ужинать в «Хромой единорог» каждый вечер и исправно платил даже за пересоленную кашу и подгоревшие котлеты. А с городничим часто хотели люди поговорить о том, о сем. И тоже заказывали и платили. Или, может быть, Виктору? Он человек уважаемый, по выходным даже читает проповеди в храме, но за меня кого хочешь голыми руками порвет. И если в городничем я еще сомневалась, то в Викторе была уверена на все сто.

– Готова, Катюха? – спросил он. – Шапку надень, уши за-студишь.

Наверное, нас сблизил общий секрет. Я родилась здесь, в Лоханках, но очевидно, что кто-то из моих прародительниц был пришлой ведьмой. А вот Виктор сам явился из другого мира, полного чудес.

Послушно натянув шапку, я вышла из таверны и, закрыв на ключ, посмотрела на окна дракона. Темно. Спит, наверное. В книжке написано, что драконы часто храпят. Интересно, храпит ли герен Шпифонтейн? Превращается ли он в ящера ночью? Укрывается ли своими крыльями или же спит как есть, человеком, и даже без одеяла, согретый внутренним огнем?

Усмехнувшись своим неприличным мыслям, я поспешила за Виктором по дорожке, ведущей к озеру, где у нас были припрятаны лодка, теплые одеяла и светильник. Виктор каждую ночь наворачивал круги по тому самому озеру, откуда однажды вынырнул сам, надеясь найти кого-то из своего мира. Я не особенно верила в успех этого мероприятия, но мне нравилось слушать его истории, которые казались невероятными сказками. Невозможно это, чтобы железные машины летали по небу, или разговаривать с человеком, который находится на другом конце света, или чтобы сладкое молоко не стекало с палочки.

– Постарайся вспомнить тот рецепт, – потребовала я, дернув Виктора за рукав фуфайки. – Как ты говорил? Мороженое?

– Было б что вспоминать, – вздохнул он. – Я к готовке, Катька, не приучен был. Вот картошки начистить на сорок человек – это легко, это меня в армии научили. А мороженое... Съел да забыл, а что там за рецепт? Может, яйца... Никто тут, в Лоханках, мороженого не оценит.

– Ты бы оценил, – возразила я, взяв его под локоть. – Да и дракон тоже...

Виктор покосился на меня, тяжело посопел, а потом сказал:

– Может, мне в таверну перебраться, в какую-нибудь свободную комнату, пока этот здесь.

– А я тебе давно предлагала, – пожала я плечами. – Но сам ведь говорил, что тебе больше нравится жить отдельно, и Мила ревновать будет.

Даже произносить это было дико. Я и Виктор. Да он мне как родной! Как отец, которого я никогда не знала, или дядя: ворчливый, вечно лезущий не в свое дело, допекающий советами, но при этом заботливый и надежный. К тому же он старый. Сорок пять лет!

– Говорил, – буркнул Виктор. – Ты запишись и, если что, сбегай через окно. И кричи. Я сплю чутко – услышу.

– Драконы добрые, – возразила я. – Так в книжке написано.

Мы дошли до берега, и Виктор ловко развязал узел на кольшке и подал мне руку, помогая забраться внутрь лодки. Я сразу взяла одно из одеял и закуталась в него с головы до ног, прячась от ночной прохлады.

– Сомневаюсь я в доброте этого приезжего болвана, но хорошо бы так, – продолжал бубнить Виктор. – А что еще пишут? Что драконам нравится? Раз уж ты хочешь оставить его в Лоханках, но не хочешь ломать ему ноги, то надо бы чем-

то его заманить.

– Девственницы и сокровища, – ответила я. – Может, свести его с Мэриан?

Виктор снисходительно посмотрел на меня, и я, вздохнув, кивнула. Но попробовать можно. Как он там учует, ведала она блуд или нет?

– На рыбалку его сводить, что ли, – задумался Виктор, отталкиваясь веслом.

Будто в подтверждение его слов вдалеке гулко плюхнула рыба. Виктор поднял светильник, вглядываясь в темноту, и по черной воде, припорошенной отражениями крупных звезд, растеклись золотые круги. В камышах у берега запутался тихий ветер, но вокруг было спокойно.

– Нет там никого, – сказала я, свесив руку за борт и коснувшись пальцами холодной воды. – Сомневаюсь я, что так это просто – скакать из одного мира в другой.

– У меня ведь как-то получилось, – вздохнул он. – Нырнул в одном мире, вынырнул в другом.

– Дурацкие все же у вас традиции – нырять в фонтан, – снисходительно сказала я и повела рукой по воде.

Волна послушно подхватила лодку и быстро понесла вперед, так что позади оставался белый след бурунов.

– А что до дракона... – задумался Виктор, приподняв над водой ставшие не нужными весла. – Давай лучше подсунем ему клад вместо девственницы.

Я представила свой сундучок с монетами и мысленно об-

хватила его обеими руками.

– Не отдам, – выпалила я. – Все накоплено честным трудом...

– Отдавать ничего и не надо, – усмехнулся Виктор. – Посулить...

– Ты хочешь его обмануть? – поняла я.

– В нашем мире у многих людей есть такое хобби, то бишь увлечение, – отыскивать старые клады. Если мы подбросим нашему дракону карту, он наверняка захочет найти спрятанное сокровище. Вряд ли у него будут занятия поинтереснее. Пока ты не стала возражать, хочу заметить, что это пойдет ему только на пользу: свежий воздух, азарт, физический труд...

– В целом, да, – согласно кивнула я и коварно улыбнулась. – А поскольку никакого клада нет, он будет искать его очень долго.

– Возможно, всю жизнь, – подмигнул мне Виктор.

Мы вернулись через час, так и не выловив из озера ни одного попаданца, как называл себя Виктор, и у дверей таверны расстались. Я еще раз заверила, что справлюсь с драконом сама, а если что – разбужу воплями все Лоханки, и Виктор ушел в баню, выстроенную на заднем дворе. Там была всего одна комната, но он уверял, что ему больше и не надо.

Открыв дверь, я вошла внутрь и задвинула за собой засов. Храпа со второго этажа не доносилось. То ли герен Шпи-

фонтейн – неправильный дракон, то ли не спит. Странно, конечно, оставаться в таверне вдвоем с женщиной. Городничий все убеждал меня взять помощницу на полный пансион, но как бы я объяснила ей самомоющуюся посуду и полы? Нет, лишние глаза мне ни к чему.

Добравшись наощупь до стойки, я чиркнула подпалом, и в светильнике заплясал огонек, осветив высокий силуэт совсем рядом.

Взвизгнув, я отскочила и прикрыла рот рукой.

– Прощу прощения, не хотел вас пугать, – хрипловато сказал дракон, опуская на стойку поднос с грязной посудой. Надо же, съел все до крошечки. – Можно мне чего-нибудь попить? Желательно того кисленького, что было на ужин.

Справившись с испугом, я кивнула, прошла за стойку и плеснула морса в кружку. Наверное, положила ему слишком много огурчиков, вот и сушит теперь от соленого.

– Пожалуйста, герен Шпифонтейн, – произнесла я.

Он надел мягкие домашние штаны и белую рубашку, которую не потрудился застегнуть, и я могла бы легко пересчитать кубики его пресса, если бы захотела. Некстати вспомнился абзац из книжки про то, что перед драконом, охочим до любовных ласк, очень трудно устоять. Я быстро перевела взгляд выше. Темные волосы герена растрепались, а на щеке был заметен след от подушки, и сейчас он казался обычным мужчиной, слегка заспанным и помятым, но и в этом было что-то соблазнительное. Такой простой, доступный, пахну-

щий моим цветочным мылом...

Опомнившись, я стащила шапку, убрала прядки, прилипшие ко лбу. Наверняка выгляжу как чучело.

– Гарри, – сказал дракон, отпив морс и облизнув губы.

– Гарри? – непонимающе повторила я.

– К чему нам эти церемонии, – продолжил он. – Раз уж я целый месяц буду жить под вашим гостеприимным кровом с негостеприимными балками, зовите меня по имени. А вы?..

– Кэйтлин. Кэти, – исправилась я.

Он назвал мне свое сокращенное имя, значит, и мне следует позволить ему такую вольность.

– Очень милое имя, – улыбнулся Гарри, сверкнув белыми зубами.

– Благодарю, – чопорно ответила я, совершенно не зная, как вести себя дальше, и спохватилась: – Лоб не болит, Гарри? Синяка вроде нет...

Это было странно и волнующе приятно – обращаться к нему по имени, словно бы мы ровня. Он покачал головой и, допив морс, поставил на стойку кружку. Я потянулась, чтобы забрать ее, и наши пальцы случайно соприкоснулись

– У вас красивые руки, – с удивлением произнес Гарри, поймав мою ладонь своею. – И такие нежные...

Меня словно холодной водой окатили. Я выдернула руку и, отвернувшись, быстро ополоснула кружку, злясь из-за удивления, так явственно прозвучавшего в его голосе. Конечно, это странно, что у трактирщицы нет ни мозолей, ни

шрамов от ожогов. Была б она исконницей, как он, другое дело...

– Это все? – холодно спросила я, убрав кружку на полку и повернувшись к нему. – Больше ничего не хотите?

Дракон оперся на стойку, слегка наклонившись вперед, и посмотрел на меня так выразительно, что я нащупала скалку, которую на всякий случай держала под стойкой. Глаза, опущенные черными ресницами, изучающе скользнули по мне взглядом, задержавшись на губах.

– Раз уж вы спросили, я бы хотел кое-что еще, – сказал он, понизив голос до интимного шепота, от которого по моей спине побежали мурашки.

Врезать ему прямо сейчас? Или сначала кричать?

– Книжку, – сказал он, кивнув на стойку.

Не дожидаясь ответа, Гарри взял книгу, полистал ее, поднеся поближе к светильнику. Страницы, заложенные петрушкой, предательски открылись на картинке, где дракон сидел на вершине горы, распахнув крылья.

Гарри пытливо глянул на меня, и я поспешила объяснить:

– Я раньше не видела драконов. Мало ли, вдруг какие-то особенности для проживания. Или предпочтения в еде.

– Очень профессиональный подход, – одобрительно кивнул Гарри, но его серьезный тон показался мне насмешкой. – И что же вы вычитали?

Он снова посмотрел в книгу, задержал палец на строках о любвеобильности драконов, которые я подчеркнула, и под-

нял на меня любопытный взгляд.

– Что написано, то и прочитала, – с достоинством ответила я, от всей души надеясь, что в полумраке не видно, как загорелись от стыда мои щеки.

– Я был бы счастлив продемонстрировать вам некоторые особенности драконов на практике, – обрадовал он меня, и я сжала скалку сильнее, а после оперлась свободной рукой о стойку и улыбнулась.

– Буду признательна, Гарри, – томно выдохнула я.

Нашел простушку! Да я с пятнадцати лет таверну держу. Ко мне столько мужиков клеилось...

– Правда, Кэйтлин? С чего бы вы хотели начать? – прямо-таки промурлыкал он.

– Говорят, драконы умеют сгонять облака, – по-деловому сухо сказала я. – А у нас, в Лоханках, давно дождя не было. Капуста не родит, морковь не растет...

– Там грязи по колено прямо перед таверной, – не поверил Гарри.

Я невозмутимо пожала плечами. Мой косяк, что сказать. Все же надо было точнее подземный источник направлять, эта лужа никогда не пересыхает. Займусь на досуге. А то придет Владыка навещать исконника, и сходу в грязь. Неловко.

– Я вообще-то имел в виду другое, – не сдавался он.

– Теоретических знаний мне вполне достаточно, – отрезала я. – Доброй ночи, герен Шпифонтейн.

– Доброй ночи, Кэти, – улыбнулся он и, захлопнув книжку

и взяв ее с собой, пошел наверх, не забыв пригнуться под балкой.

А я проследила взглядом за его ногами, обутыми в лакированные туфли. Не продумал он гардероб для Лоханок, конечно. Надо бы ему галоши одолжить у Виктора... И, ахнув, посмотрела на лохань позади стойки. Ботинки! Совсем забыла!

Когда дверь в комнату герена захлопнулась, я отнесла лохань в кладовку.

– Шлёп, – тихо позвала я. – Ты здесь?

И вздрогнула от неожиданности, когда с потолка шлепнулась большая густая капля, которая сперва расплзлась глянцевой лужицей, а после сформировалась в потешное создание, напоминающее то ли толстого кота, то ли мелкую свинку: круглое тельце, короткие ножки, большая голова с треугольными ушками и выпуклыми блестящими глазами. Иногда Шлёп отращивал хвост или дополнительные лапки, а сейчас потянулся к моей ладони, подставляя удлинившуюся шею, и я почесала ее пальцами. Повадки у него были скорее кошачьи, а вот страсть к грязи явно как у поросенка.

– Поможешь? – спросила я, придвигая к нему лохань.

Передние лапки Шлёпа вытянулись, и он обнял ими грязные ботинки дракона с такой же нежностью, с какой я мысленно обнимала свой сундучок с монетами.

– Хозяйка принесла Шлёпу лакомство, – вполне внятно пробублькала он. – Моя хорошая, мокренькая Кэти...

Когда я осталась без мамы, первое время мне было очень тяжело. Я не справлялась с таверной и с внезапным одиночеством и перед сном мечтала о том, как хорошо было бы иметь волшебного помощника, которые так часто появляются у заколдованных принцесс. Вроде сказочной феи, или тетушки-крестной, или хотя бы кота в сапогах.

Тогда Шлёп и появился— заполз в приоткрытое окно, шлепнулся на пол и, уставившись на меня блестящими глазами, улыбнулся.

Улыбка у него страшноватая: круглую морду прорезает щель от края до края, и становится виден мусор, огрызки, пуговицы и прочие мелочи, которые Шлёп не успел переварить.

Каюсь, сперва я хотела его убить. Все же сложно поверить в добрые намерения внезапно появившейся лужи. Однако Шлёп упорно не убивался ни топором, ни стулом, не впитывался тряпками, а лишь хихикал как от щекотки и падал на спину, дрыгая короткими лапками. Он не выгонялся ни за дверь, ни в окно, просачиваясь даже в самые узкие щели, а потом и вовсе заговорил, уверяя в вечной преданности хозяйке, которая создала его силой своего желания.

Затем Шлёп помыл полы во всей таверне, просто прокатившись по ней туда-сюда и не забыв о лестнице, и я сразу полюбила его всей душой.

Ну а после Шлёпа в моей жизни появился Виктор, и хоть его сложно назвать крестной феей, он умеет творить насто-

ящие чудеса вроде водопровода.

Пока Шлёп, жмурясь, облизывал ботинки, я сходила к стойке и притащила поднос, который не побрезговал снести вниз дракон. Правда, Виктор не разрешал давать грязную посуду Шлёпу и говорил, что это негигиенично.

– Горшочек! – с восторгом пискнул Шлёп и засунул в горшок из-под картошки длинный язык, облизывая стенки начисто.

– Сполосну потом, – договорилась я со своей совестью и почесала Шлёпа за ушком.

Наощупь он был теплый, влажный и довольно плотный, словно помытое летним дождем яблоко.

– Ты только нашему гостю не показывайся, – попросила я. – Понимаешь? А то кто его знает, как отреагирует. Может, он не любит таких милых Шлёпиков с чудесными глазками.

Он вытаращил на меня глаза, ставшие размером с блюдце, и них отразилось мое лицо. Увы, самое обычное. Щеки бы поменьше, а глаза побольше, и хорошо бы еще родинку над губой, или ямочку на подбородке, или хоть аристократичную горбинку на носу. А так взгляду и зацепиться не за что.

– Мокренькая, – утешительно сообщил Шлёп, почувствовав мое настроение. – Хорошая.

– Пойду спать, – сказала я. – Оставишь ботинки здесь?

Шлеп пробублукал в ответ что-то непонятное, и я пошла в свою комнату, быстро помылась и, надев сорочку, юркнула в постель.

Гарри проявил ко мне вполне очевидный мужской интерес, но я особо не обольщалась. Ясно же, что он предложил бы это любой на моем месте... Вздвогнув, я подтянула одеяло до самого носа. А вдруг он учуял, что я и есть дева, блудя не ведающая? Что тогда? В голове мелькнула постыдная мысль, но быстро исчезла. Не стану я спать с мужчиной ни ради звезды, ни даже ради трех. Хотя, надо признаться, герен куда красивее всех лоханцев вместе взятых.

Интересно все же, какого цвета у него глаза...

Вздохнув, я повернулась на другой бок, а потом, вскочив, подбежала к двери и задвинула засов.

ГЛАВА 4. Утро в Лоханках

– Сердце поэта пылает так жарко, прочь, дева нежная, прочь, – надрывно вопил кто-то под окном. – Что ты целуешь меня как дикарка в томную дивную ночь...

– Франтик! – сердито выкрикнула девушка, и Гарри узнал голос Кэти. – Я тебе сейчас такую жару устрою – мало не покажется! Я же тебе заплатила, чтоб не пел!

– То было вчера, – возразил певец, и струны его инструмента жалостливо тренькнули. – А за сегодня не уплачено.

Похоже, Кэти и правда ответственно относится к делу. Голос у Франтика был писклявый и дребезжащий, и Гарри и сам бы приплатил, только чтобы больше его не слышать.

– Сколько? – сурово спросила Кэти.

– Тебе не удастся заткнуть своим серебром певчую птичку, не посадишь меня в золотую клетку...

– Золотого ты точно от меня не увидишь, – согласилась Кэти.

– Но если дашь пять монет...

– Пять? – ахнула она. – Знаешь что, хочешь выть – вой. Ему давно вставать пора.

– Может, драконы до обеда спят, – не сдавался Франтик. – А я ему очень мешаю. Четыре монеты – и я уйду.

– Обойдешься, – фыркнула Кэти. – Его на целый месяц сослали. Я так разорюсь.

Гарри откинул одеяло и потянулся. Выспался он отлично. Свежий деревенский воздух явно идет ему на пользу: голова свежая, в теле легкость, настроение боевое. Встав с кровати, Гарри подошел к окну и, открыв его, выглянул наружу.

Сама деревня выглядела уныло: крыши, огороды, коровы на лугу – ничего особенного. Зато под окнами стояла Кэти, и с утра она казалась еще симпатичней: рыжие косы уложены аккуратным бубликом, а на круглый вырез ее платья сверху открывалась приятная перспектива. Может, попросить ее принести завтрак наверх и продемонстрировать на практике, что книжки о драконах не врут?

– Доброе утро, – сказал он.

– Доброе, – ответила Кэти, бросив на него взгляд. – Спускайтесь к завтраку.

Ее волосы под утренним солнцем горели золотом. Наощупь, верно, чистый шелк.

Вчерашние угрозы Виктора звучали вполне реально, но когда это драконы пасовали перед деревенскими мужиками?

– Герен Шпифонтейн, – торопливо произнес певец, оказавшийся тощим курчавым пареньком, и, сделав пару шагов, принял пафосную позу, которую явно отрепетировал заранее: одна нога вперед, рука в сторону, лютня, перевязанная алым бантом, прижата к груди. – Франциск Звонящий к вашим услугам. Я исполню вам песню «Когда сердце пылает». Слова Франциска Звонящего, музыка – Франци...

Кэти выписала ему оплеуху и рывкнула:

– Куда на грядку залез? Не видишь – редиска!

– Отстань! – рассердился парень. – Мы тут о творчестве говорим, о высоких материях, а ты со своей редиской!

– Я скоро спущусь, – пообещал Гарри и, закрыв окно, пошел в ванную.

Приведя себя в порядок и одевшись, он сбежал по лестнице, и к нему тут же бросился усатый мужик, который вчера встречал его с караваем.

– Герен Шпифонтейн! – усач сиял так, словно увидел родную маму после долгой разлуки. – Рад, очень рад, что вас к нам сослали. Не потому, что вас отправили в ссылку, конечно, нет, – торопливо исправился он. – Уверен, это недоумение, ведь такой достойный человек не мог совершить преступления! Вас оболгали, оговорили...

– Да нет, все по делу, – возразил Гарри.

– Я городничий. Марен Кухт, – представился мужик и энергично потряс протянутую ему руку, обхватив ее обеими ладонями. – А это моя дочка Мэриан, – кивнул он на блондинку, стоящую рядом и меланхолично жующую булку. – Ее вы, конечно, помните. Как забыть такую красоту...

Мэриан глянула на Гарри коровьими глазами и, прикусив пухлую губу, томно вздохнула.

– Рен Кухт, – коротко кивнул он в знак приветствия, – рена. Очень приятно.

– Нам надо подписать кое-какие бумаги, – добавил городничий. – О вашем прибытии, расходах управы... Как вам

условия пребывания? Все устраивает?

– Более чем, – заверил Гарри, поймав взгляд Кэти, которая вышла из кухни, и подвинулся к стойке.

– Прекрасно, прекрасно, – обрадовался городничий, не отставая от него ни на шаг. – Раньше ссыльных селили за чертой города, у самых Лоханок. Но я решил – что за дичь! Такой достойный человек – и в какую-то развалюху...

– Благодарю.

– Вы, конечно же, знаете, что наш город был назван в честь озер уникальной чистоты и красоты. Лоханки – дивное чудо природы. Моя дочь с радостью вам их покажет.

Мэриан снова томно вздохнула, так что ее грудь призывно колыхнулась.

– Благодарю, – повторил Гарри. – Надеюсь, бумаги и озера подождут. Я бы хотел позавтракать, разобрать вещи...

– Конечно-конечно, – заверил городничий. – Мэриан тоже как раз не успела позавтракать...

– Да? – басом удивилась та. – А котлетки?

– Что ж, значит, договорились, – сказал Гарри, выбрав более строгий тон. – Я загляну к вам, когда освобожусь. Кэйтлин покажет дорогу.

Городничий недовольно пригладил усы, глянув на Кэти, но после улыбнулся и, взяв под руку свою пышную дочь, пошел на выход. Из-за дверей выглянул певец, бренькнул по струнам лютни, но Кэти пригрозила ему кулаком, и он исчез.

– Итак, – сказал Гарри, садясь за стойку.

– Что итак? – переспросила Кэти, ставя перед ним тарелку с пышными блинами, политыми медом.

Ее саму словно медом полили, так бы и попробовал... Подцепив блин вилкой, Гарри задал вопрос, который не давал ему покоя:

– Скажите, Кэти, отчего вы согласились приютить ссыльного и так печетесь о его, то бишь моем, удобстве? Певец явно хочет поразить меня меткой рифмой в самое сердце, а городничий – сбуть с рук дочь. Но чего от меня хотите вы?

Гарри откусил блин, с интересом наблюдая за широкой гаммой чувств, отразившейся на хорошеньком личике Кэти: замешательство, смущение, решительность...

– Денег, – выпалила она, посмотрев ему прямо в глаза.

Гарри испустил вздох, полный демонстративного разочарования.

– Как банально, – заметил он.

– Вот такая я корыстная, – холодно заявила Кэти, подливая ему в кружку горячий чай. – Странно, что вы вообще задались этим вопросом. Что же еще с вас взять?

– Я, право слово, надеялся, что вас больше заинтересовали те строки в книжке, которые вы потрудились подчеркнуть, – усмехнулся Гарри.

Кэти презрительно фыркнула.

– Сахар положить?

– Не надо, – отказался он. – Просто постоит тут рядом. Вместо сладкого. Давайте же обсудим преискуронт. Я пола-

гал, ссыльные находятся на балансе городской управы.

– Разумеется, – согласилась Кэти. – И вам полагается чудный домик на отшибе, если он, конечно, не развалился за те пятьдесят лет, что там никто не жил. Возможно, рен Кухт выделит еще козу и мешок пшена, от душевных щедрот. Вы умеете доить коз, герен Шпифонтейн?

– Не исключено, – пожал он плечами. – Никогда не пробовал. Значит, все, что предоставлено сверх козы и зерна, должно быть оплачено?

– Конечно, – подтвердила Кэти. – Проживание и трехразовое питание, – она задумалась на миг. – Две монеты серебром в день.

– А что насчет дополнительных услуг? – поинтересовался Гарри.

– Ах да, – спохватилась девушка. – Ваши ботинки.

Она спряталась под стойкой и вскоре появилась с его ботинками, чистыми, как детские щечки.

– Да это просто магия! – искренне восхитился он.

– Никакой магии! – горячо заверила Кэти. – Но чистка одежды и обуви оплачивается отдельно.

– Хорошо, – кивнул Гарри. – Однако я о другом. Об особенных услугах, которые наверняка предоставляются постоянным клиентам.

Он многозначительно умолк, и Кэти, поджав губы, покраснела и выхватила из-под стойки скалку.

– Сколько стоит подуть в рог? – быстро выпалил Гарри,

пока она окончательно на него не обиделась.

– Что? – переспросила Кэти, остановив замах.

Гарри кивнул на желтоватый охотничий рог, висящий на стене позади стойки.

– Вы издеваетесь, – констатировала Кэти, опустив скалку.

– Отнюдь, – возразил Гарри. – Таверна называется «Хромой единорог». Путем нехитрых логических заключений я пришел к выводу, что это может быть рог единорога. Уникальная вещь!

– Вообще-то это возможно, – подтвердила Кэти. – Дед моей мамы рассказывал ей, что тысячу лет назад, когда червоточины нашего мира еще не затянулись, здесь, в Лоханках, случилась великая битва.

Гарри ел блины, с интересом слушая рассказ Кэти, которая вошла в раж, описывая события давно минувших дней.

– Ведьмы призвали несчетное войско тварей, и те хлынули волною, чтобы уничтожить людской род, – говорила она. – Воины гибли один за одним, сражаясь за свой мир и свободу, и вот враги окружили Владыку Урундура плотным кольцом, а ведьма опутала ноги его единорога колдовством. Единорог пал. И тогда Владыка взял его рог, омытый вражеской кровью, и подул в него, призывая подмогу.

Она взмахнула скалкой точно мечом.

– У меня вопрос, – сказал Гарри, дожевав блин. – А как Владыка Урундур взял рог? Тот же, как бы, к голове прикреплен. Он что, отломал его? У умирающего единорога? У,

можно сказать, верного друга и соратника?

– Может, единороги сбрасывают рога, когда умирают, – предположила она.

– Принято, – кивнул Гарри. – Что же дальше? Подмога пришла?

– Звук, изданный рогом, разжег огонь в сердцах воинов, – продолжила Кэти. – Пробудил в них веру и надежду на победу. Сильные крылья вспороли кольчуги, вознося воинов к свету. Один за одним стали превращаться они в драконов, которые сожгли очищающим пламенем тварей зла. Конец.

– Эпично, – кивнул Гарри. – Так сколько стоит подуть в рог?

– Пять золотых.

– Что? – возмутился он. – Почему так дорого? Вы же даже не уверены, правда ли это рог единорога.

– А вдруг правда, – пожала плечами Кэти, пряча скалку назад под стойку. – Что значат пять золотых за возможность прикоснуться к святыне?

– Далеко пойдете, – усмехнулся Гарри. – Кстати, не откажетесь прогуляться со мной по Лопаткам? Я был бы признателен, если бы вы показали мне местные достопримечательности.

– Хорошо, – согласилась она. – Только ботинки ваши замшевые спрячьте подальше в чемодан и больше не доставайте. Я вам сапоги дам.

– Бесплатно? – уточнил он.

– Внесу в общий счет, – улыбнулась она.

Кэти сняла фартук, надела широкополую соломенную шляпку с синей лентой, а платье слегка подоткнула за пояс.

– Обувайтесь, – кивнула она на сапоги у порога. – Размер не знаю, но тесными быть не должны.

Вздохнув и брезгливо поморщившись, Гарри сунул ноги в чужую и явно ношенную обувь, прикидывая, как еще его могут унижить в этой деревне.

– Может, шляпу дать? – незамедлительно предложила Кэти. – А то денек солнечный, голову напечет...

– Я дракон, – раздраженно напомнил Гарри. – Мне даже огонь не страшен. А вы боитесь, что я получу солнечный удар?

Кэти невозмутимо пожала плечами и пошла вперед, и Гарри шагнул за нею следом из-под козырька таверны. Солнце тут же окатило его светом, заставив прищурить глаза, и на какой-то короткий миг он даже пожалел, что отказался от шляпы. Утренний певец, выскочив откуда-то из-за куста, тренькнул по струнам.

– Желаете музыкальное сопровождение? – любезно предложил он, сдув упавшую на глаза кудрявую прядь. – Что-нибудь залихватски-удалое, о драконьих победах? Или, быть может, печально-ностальгическое, о былых временах? – он глянул на Кэти, которая ждала их возле лужи, нетерпеливо притоптывая ножкой, обутой в сапог. – А может, романтическое, – заговорщицким шепотом предложил певец. – Для ат-

мосферы.

– Давай романтическое, – согласился Гарри и, когда Фрэнтик просиял, поспешно добавил: – Только не пой и держись позади в десяти шагах.

Сегодня деревня показалась ему симпатичнее, чем по приезду. В луже перед таверной отражалось солнце, над пышным кустом, покрытым мелкими розовыми цветочками, кружили пчелы и бабочки, а серый кот, сидящий на заборе, жмурил глаза, как бы подбадривая: да, Гарри, все будет хорошо, все идет по плану.

План у него и правда был, хоть и весьма условный, и он намеревался воплотить его в жизнь как можно скорее.

Наследника древнего рода оберегали, холили и лелеяли, и все опасности, если таковые вдруг случались, казались фальшивыми, точно рог единорога на стене захудалой таверны. Гарри никогда не верил, что может всерьез пострадать. Вся его жизнь казалась приятной игрой, где он всегда оставался в выигрыше. Да даже дуэль с Петером! Что тот мог сделать ему, лучшему фехтовальщику страны? Страх – вот ключевая эмоция для трансформации, это подтверждала даже зачитанная книжка Кэти, и пора было признать, что ему, Гарольду Шпифонтейну, страх, увы, не знаком.

Однако возникала загвоздка: деревня, куда его сослали, дышала миром и спокойствием и на первый взгляд казалась самым неподходящим местом для поиска острых ощущений.

Дорога поднималась на холм, и когда они достигли вер-

шины, Кэти остановилась и указала назад.

– Вон там, у въезда в Лоханки, школа. Видите красную крышу? Там же и библиотека. А через дорогу, под синей крышей – театр. В здании есть большой зал для выступлений, но в хорошую погоду их чаще устраивают под открытым небом. Вон котлован позади.

Лохматый пес гавкнул на них из-за забора, но Кэти шикнула, и псина, добродушно вывалив розовый язык, тут же завиляла хвостом. Перегнувшись через забор, Кэти бесстрашно отцепила приставший к косматому уху репей.

– Театр под открытым небом, кстати сказать, соорудил ваш предшественник, – со значением добавила она, идя вперед. – Его сослали в Лоханки, и он не захотел покидать это прекрасное место. Чувствуете, какой воздух?

Она глубоко вдохнула, запрокинув голову к небу и придерживая шляпку рукой.

– Навозом воняет, – подтвердил Гарри. – Так значит, прошлый ссыльный не смог отсюда вырваться? Тут и помер?

– У нас и памятная табличка есть, – встрял Франтик, наигрывающий веселенькие переборы на лютне. – На школе висит. И еще одна на городской управе.

– Там тоже кто-то умер? – догадался Гарри.

– Предпредпоследний ссыльный, – кивнул Франтик. – И еще один утопился от тоски в Лоханках, но там табличку не стали вешать, некуда. Городничий предлагал вбить столб, но в каком именно озере утоп бедолага – никто не помнит.

– А есть вообще шанс уехать отсюда живым? – поинтересовался он.

– Франтик, сгинь, – сердито отмахнулась от него Кэти. – А вы, герен, не торопитесь уезжать. Смотрите, вон тот каменный дом, напоминающий древний замок, принадлежит городничему, рену Кухту. С ним и его дочкой вы уже знакомы. Мэриан – чудесная девушка, правда ведь?

– О да, – согласился он, с иронией глядя на мрачный серый дом, на который какой-то местный скульптор-самоучка налепил толстых горгулий.

– Молодая, красивая, из хорошей семьи, – с воодушевлением продолжила Кэти и, понизив голос, добавила: – Единственный ребенок. Большое приданое.

– Вы что же, сватаете меня? – Гарри так поразился, что остановился, и Франтик врезался ему в спину.

– Почему бы нет, – ответила Кэти. – Если будете делать свадьбу у меня в таверне, сделаю скидку.

– А я готов выступать бесплатно! – подхватил Франтик. – Если потом вы у себя в столицах расскажете друзьям, мол, есть такой самородок в Лоханках...

– И что же, репертуара хватит? – засомневался Гарри, обернувшись.

– А то! – горячо подтвердил певец, покрасневшись. – У меня сто листов исписано мелким почерком. А то и двести!

– Я бы ознакомился с вашими стихами, – покивал он.

– Так я принесу, – загорелся Франтик. – Я сбегая! Одна

нога тут, другая там. Вы куда сейчас? К озерам?

– Давайте не будем спешить, Франциск, – перебил его Гарри. – Выберите пять самых лучших песен и презентуйте их вечером за ужином. Согласны?

Франтик ударил себя кулаком в грудь и убежал прочь.

– Зачем вы даете ему напрасную надежду? – укорила его Кэти.

– Почему же напрасную? – возразил Гарри. – Голос у него, конечно, на любителя, но стихи вроде ничего. Томные ночи, нежные красавицы – на такое всегда есть спрос. А вы разве не хотели бы уехать отсюда?

– Нет, – отрезала Кэти. – Итак, дом рена Кухта – это и есть городская управа. На обратном пути зайдете к нему подписать бумаги. Мэриан наверняка тоже там...

– Кушает, – пробормотал Гарри, и Кэти сердито на него зыркнула.

– А вот и Лоханки, – она обернулась в другую сторону, и ветер взметнул синие ленты на ее шляпке, – Наши чудесные озера.

Три озера, раскинувшиеся в долине, и правда выглядели примечательно: одинаковые, круглые, точно кто-то вырезал их с помощью циркуля, решив проделать дыры, чтобы потом выбраться на поверхность из-под земли, а может и вовсе – из другого мира...

По спине пробежал холодок, лопатки отчаянно зачесались, и Гарри, втянув воздух, довольно улыбнулся. Там было

опасно. То, что надо.

ГЛАВА 5. Прыжок

Гарри плелся по Лоханкам без всякого энтузиазма, и было до обидного ясно, что ни школой, ни театром мне его впечатлить не удалось. Но потом, завидев озера, он словно ожил: побежал вперед, чуть не выпрыгивая из сапог и приносиваясь, как охотничий пес.

– Вода чистая, как слеза ребенка, – слегка запыхавшись, говорила я, едва поспевая за ним. – Рыбалка отличная, Виктор может вас сводить.

Гарри не отвечал, а только кивал на мои слова, а потом свернул к острым белым скалам, торчащим из-под земли точно кости гигантского животного.

– Пляж лучше на правой Лоханке! – воскликнула я, но дракон уверенно забирал влево.

Он остановился, только забравшись на верх утеса и,глянув вниз, присвистнул.

– Омут, – выдохнула я, опершись на березку, а потом и во все села на пенек и, сняв шляпку, принялась обмахиваться.

– Глубокий? – спросил Гарри, обернувшись.

– Очень, – подтвердила я. – Дна не достать. Посмотрите, какая вокруг красота. Берег словно ножом срезали, такой ровный.

– Угу, – промычал он, пройдясь вдоль края, а мне отчего-то захотелось оттащить его подальше.

– Неудивительно, что прежние ссыльные нашли здесь свое пристанище, – продолжила я. – Так и бывает, Гарри. Судьба иногда преподносит сюрпризы. То, что казалось наказанием, становится высшей наградой.

– Вы так расхваливаете ваши Лощинки... Еще немного – и я подумаю, что вы решили цены взвинтить, – заметил он.

Скинув сапоги, Гарри стянул и носки и с наслаждением прошелся босиком по траве.

– Один из ссыльных, тот, что утопился, был драконом, – сказала я, сама не зная почему.

Я ведь хотела, чтобы он полюбил Лоханки, а теперь говорю об утопленниках. Язык мой – враг мой. Но то, как Гарри смотрел в омут, очень мне не нравилось.

– Вот как? – переспросил он. – Значит, я тут не первый дракон?

– В театре даже есть картина, на которой нарисован дракон, летящий над озером.

У него толстое брюхо с золотой чешуей, короткие кожные крылья, как у летучей мыши, а щеки круглые, как у рена Фейреха. Интересно, какой дракон получается из Гарри? Точно без брюха. Вон какой живот плоский. А глаза у герена Шпифонтейна оказались лазурного цвета, словно безоблачное небо, раскинувшееся над нами.

– А у вас большие крылья, Гарри? – вырвалось у меня.

– Полагаете, размер имеет значение? – со странной улыбкой спросил он.

– Думаю, да, – неуверенно ответила я. – Для скорости, маневренности полета...

– И вы, значит, хотели бы взглянуть на моего дракона, – понял Гарри, и я часто-часто закивала.

Виктор обзавидуется! И Мила! И все! А может, он прокатит меня над Лоханками? Только представив ветер, свистящий в ушах, я покрылась мурашками от восторга. А Гарри, глядя на меня, принялся неспешно расстегивать рубашку.

– Что вы делаете? – напряглась я.

– Раздеваюсь, – невозмутимо ответил он. – Это чистый шелк. Вы ведь не хотите, чтобы моя рубашка порвалась при обороте?

Я кивнула, а потом пожала плечами. Не хочу, наверное. Хотя какая мне разница?

Сняв рубашку, Гарри повесил ее на сучок березки, а я быстро отвела взгляд. Еще не хватало, чтобы герен подумал, что я на него пялюсь. Он снова подошел к краю утеса, а я посмотрела ему в спину. Красивая спина. Широкие плечи, узкая талия, никакого жира, кожа гладкая такая, чистая, ни родинок...

– Правда, это вам дорого обойдется, – заявил Гарри.

– Что? – не поняла я.

– Вы хотите увидеть дракона, – пояснил он, повернувшись ко мне, – но, согласитесь, это уникальное зрелище. Когда еще следующего пришлют? К тому же оборот потребует от меня усилий. Так что, скажем, пять золотых.

– Я дам вам в рог подуть, – тут же предложила я. – То на то выйдет.

Гарри усмехнулся и взялся за завязку штанов.

– Я передумал. Рог – явно фальшивка.

– Ну, знаете, я пока тоже не уверена, что ваш дракон потянет на пятерку, – возмутилась я.

– Обижаете, – сказал Гарри, снимая штаны.

Я быстро закрыла глаза рукой, но потом, растопырив пальцы, выглянула. Гарри стоял ко мне спиной, в голубых трусах в цвет глаз, и смотрел куда-то вдаль.

– А что насчет поцелуя? – вдруг предложил он, не оборачиваясь.

– Мои поцелуи не продаются, – с достоинством произнесла я, хотя в глубине души и зашевелился червячок сомнений: да, поцелуй – это очень интимно, но пять золотых!

– Я так и понял, – кивнул Гарри, а потом разбежался, оттолкнулся от края утеса и спрыгнул вниз.

Ахнув и вскочив с пенька, я подбежала к обрыву, отпрыгнула из-за взмывшей утки, всполошено улетающей прочь, а потом посмотрела вниз. По темной воде расплывались круги, но Гарри не было видно. Кристально прозрачная вода озера под солнечными лучами блестела серебром и искрилась так, что глазам больно. Вся, кроме омута, уходящего вглубь круглым черным провалом.

Прикусив губу, я отчаянно всматривалась вниз, а после скинула сапоги. Плавала я хорошо, с самого детства. У нас в

Лоханках все дети плавают как лягушата и воды не боятся, но от омутов даже самые отчаянные сорванцы инстинктивно держатся подальше. Да что говорить, даже утки – и те через омут не плавают!

Прямо в центре черной дыры вынырнул Гарри и помахал мне рукой.

– Вода отличная! – выкрикнул он, тряхнув головой, чтобы убрать волосы, прилипшие ко лбу. – Прыгай сюда, Кэти!

Задохнувшись от возмущения, я схватила сапог и швырнула им в дракона.

– Ты... Ты... Дурак! – выкрикнула я.

Сапог булькнул, набрав воды, и пошел на дно.

– А ну, выбирайся! – приказала я и, топнув босой ногой, поморщилась, угодив пяткой по камню. – Там опасно!

Набрав в грудь воздуха, Гарри снова нырнул, и я в отчаянье прижала руки к груди.

Да что ж за дракона мне подсунули! И где он опять? А если утонет, как предыдущий? А если в омуте живет какое-нибудь чудище, и прямо сейчас оно жрет моего дракона вместе с шелковыми трусами?

Гарри вынырнул через минуту и с торжествующим видом поднял мой сапог.

– Считаю, что один ужин вы должны мне бесплатно, – выкрикнул он, выливая из него воду.

Сжав руки в кулаки и скинув второй сапог, я пошла прочь босиком, оставив дракона наслаждаться водичкой. Обида и

злость так и душили, и, добравшись до таверны и встретив внимательный взгляд Виктора, который рубил дрова на заднем дворе, я разрыдалась.

– Чего ты? – испугался он. – Это дракон? Обидел тебя?

– Да! – пожаловалась я. – Я ему экскурсию, Лоханки, театр, а он...

– А что он? – холодно спросил Виктор.

– Обманул меня! – всхлипнула я. – Говорит – сейчас, Кэти, покажу тебе своего дракона... – я запнулась, сморгнув слезы, и посмотрела на Виктора. – У тебя глаз дергается, – заметила я, ткнув себе в правое веко.

– Да так, попало что-то, – спокойно ответил он, выдернув из чурбана топор. – И дальше что?

– Дальше разделся, – ответила я, вытерев щеки. – Мол, чтоб одежда при обороте не порвалась. Трусы правда оставил. Голубые.

– Угу, – промычал Виктор, перехватив топор поудобнее, а я вдруг поняла, что мой рассказ со стороны выглядит как-то не так.

– Он в омут нырнул, – поспешно добавила я. – А я испугалась очень – вдруг утонет, как тот, предыдущий. И что тогда? Вместо звезды повешу на таверну траурную табличку? Что тут, мол, провел свой последний день герен Гарольд Шпифонтейн?

– Ну, табличка тоже неплохо, – задумчиво сказал Виктор, бухнув топором по чурбану.

– Ага, переночевал разок, попробовал мое фирменное каре ягненка – и пошел утопился, – сердито возразила я. – Как-то это не очень для дела.

– Ладно, – протянул он. – Где твой дракон?

– На левой Лоханке, – шмыгнула я носом. – Купается. Ох, Виктор! А как же он выберется? Там ведь берег отвесный! А я ему сапогом...

– Таких обычно ничего не берет, – ответил он. – Сейчас схожу, вытащу.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Ты поговори с ним, а?

– Обязательно поговорю, – пообещал Виктор, покосившись на топор, но потом сунул руки в карманы и направился к озеру, а я, окончательно успокоившись, пошла в таверну.

На кухне уже орудовала Мила, и я остановилась у порога, любуясь, как ловко она месит тесто.

– Ну, что? – спросила она, повернувшись ко мне. – Как твой постоялец?

– Пытался утопиться, – ответила я. – А так вроде неплохо.

Мила выпрямилась, поморщившись и прижав к пояснице руку.

– Ты с ним поосторожнее, – сказала она. – А не то останешься как твоя мать горемычная – одна и с дитем.

Кровь прилила к моим щекам, и уши загорелись от стыда.

– Моя мать была хорошая женщина, – выпалила я.

– Кто ж спорит, – пожала круглыми плечами Мила, просеивая муку. – Хорошая. Я ж тебе добра желаю, Кэти. Такие

как он не женятся на таких как ты. А вот поваляться любят.

– Не собираюсь я ни с кем валяться, – отрезала я. – Мясо замариновала?

– Ага, – кивнула Мила. – Все сделала. Хотя, знаешь, может, оно и неплохо бы тебе ребеночка, раз уж в девках засиделась. Лучше бы за кузнеца шла, конечно. Хороший ведь парень. Ручищи, плечища, кудри русые, молодой. Хотя некоторым нравятся мужчины постарше...

Она бросила на меня острый взгляд, и я вздохнула. Уже сколько раз говорила, что с Виктором у нас не может быть никаких отношений – а без толку. Если б он на ней женился... Да что-то не складывается.

– Кузнец-то пока ждет, – продолжила она, – но тоже, знаешь, не железный. Другая пошустрее вмиг уведет.

– Совет да любовь, – пожелала я от души. – Все, Мила, хватит. Я ценю твою заботу, но обсуждать это не хочу.

– Ага, – согласилась она и тут же вновь завела старую песню: – Ты же знаешь, мы с твоей матерью подругами были. Ты мне как родная. Переживаю я. Дракон этот видный, смазливый, у него таких как ты, небось, пяток в каждой деревне... Может, не зря говорят, что дочери за матерью судьбу повторяют...

Я закатила глаза и пошла прочь из кухни. Мила была отличной поварихой, и что мне в ней нравилось – в точности выполняла указания, не экспериментируя с рецептами. Но в ее добрые намерения я не верила ни на грош. Не желают

добра вот так – словно грязной водой окатывая. Если б не ее шашни с Виктором, уже бы уволила, но не хочется его обижать.

Надев фартук, я вернулась на кухню и взялась за жаркое.

Да, моя мать родила меня без брака, но мы были счастливы. Пусть она не хотела рассказывать о моем отце, пусть не было в ее жизни семейного счастья, никогда я не слышала от нее ни упреков, ни сожалений, что все сложилось именно так.

Конечно, он и не ждал, что получится сразу, но все же легкое разочарование грызло. Было бы так красиво – расправить крылья и взлететь перед Кэти, увидеть восторг на ее личике и в зеленых глазах. Но, очевидно, прыжок в воду – это не то, что способно пробудить его дракона. Если эту скотину вообще что-то способно пробудить.

Гарри перевернулся на спину, поставил сапог Кэти себе на грудь, и медленно поплыл через омут, перебирая ногами. Верхние слои воды прогрелись солнцем, но из глубины тянуло холодом и еще чем-то таким, от чего лопатки так и зудели.

В утопившегося от тоски дракона Гарри не верил. Драконы – воплощение силы тела и духа. В утонувшего случайно тем более. Вода сама выталкивала его на поверхность. Что же случилось здесь, в Тарелках, много лет назад? Перевернувшись, он размахнулся и зашвырнул сапог назад на утес, а потом поплыл вдоль берега.

Идеально круглое озеро – это ладно, чего не бывает в при-

роде. Но три! Да еще рядом. Да эти рассказы про великую битву с ведьмами, которые, как известно, являлись сквозь червоточины.

Пришедшая на водопой корова протяжно замычала, сбивая его с мысли. Умолкнув, щипнула траву и принялась жевать, глядя на Гарри ничего не выражающим взглядом, точно дочка городничего. Приданое у нее, видите ли. Скидку ему в таверне сделают. Гарри усмехнулся и отплыл от коровы подалее, сделав несколько энергичных гребков. Вернувшись к омуту, заплыл в самую середину. Что если это и есть червоточина в другой мир, пусть затянувшаяся, словно запекшаяся коркой рана.

Набрав в грудь воздух, Гарри нырнул, изо всех сил загребая руками. Вода быстро стала холоднее, а потом будто загустела, так что он пробивался как сквозь крошево льда. Пальцы замерзли, грудь сдавило, в ушах зазвенело, а потом его оттолкнуло упругой волной, выбрасывая на поверхность. Жадно вдохнув и подняв руку над водой, Гарри посмотрел на посиневшие ногти.

– Эй, Шпифонтейн, – донеслось с обрыва, и, подняв голову, Гарри увидел Виктора.

Тот сидел на краю утеса, свесив ноги вниз, и смотрел на него с неясным выражением лица. Драконье чутье никогда не подводило, и Гарри как-то сразу понял – его будут бить.

– Выходи, разговор есть, – добавил Виктор, сорвав травинку и прикусив ее зубами.

– Сейчас, – согласился Гарри, плывя к месту, где приметил удобный склон.

Драка – это хорошо. Противник неизвестен, но явно высокого мнения о своих силах. Злится, но держит себя в руках – отличное качество. Плюс у него есть мотив, хоть и непонятно, что именно рассказала ему Кэти. Вывод – соперник попался достойный. Может, и дракон так посчитает?

Выбравшись на берег, Гарри попрыгал на одной ноге, встряхивая воду из уха, и бодро пошел вверх по склону. Предвкушение схватки бурлило в крови, и он несколько раз сжал и развел пальцы, согревая замерзшие ладони.

– Я ведь тебя предупреждал по-хорошему, – почти ласково сказал Виктор, встретив его наверху.

Гарри быстро окинул взглядом площадку, отмечая пенек, поваленное дерево и сучковатую березу. Вон там еще россыпь острых мелких камней.

– Предупреждал, – подтвердил он. – Только сложно удержаться. Такая сладкая девочка.

На лбу у Виктора вздулась вена, и Гарри решил поддаться парку.

– Чем еще мне тут заняться, скажи на милость? А ее на месяцок как раз хватит. Если переворачивать по-разному.

Лопатки прям-таки загудели, и Виктор, взревев, бросился на него.

Через пару минут, когда челюсть ныла от удара, один глаз

заплыл так, что перестал видеть вовсе, а рука затрещала в захвате, Гарри понял, что даже недооценил противника.

– Отстанешь от Катки? – спросил Виктор, надавив на локоть сильнее.

– Нет, – просипел Гарри, и тут же проехался носом по тем самым камням, от которых собирался держаться подальше.

– Я ж тебя тут и закопаю, – пообещал мужик.

Гарри загреб свободной рукой мелкие камни и песок, швырнул их в Виктора и, воспользовавшись минутной растерянностью, вырвался из захвата. Мужик мотнул бритой головой, протер лицо ладонью и кинулся на него снова. Обхватив друг друга они упали на траву, молотя кулаками по бокам, а потом земля вдруг закончилась, и они, так и обнявшись, плюхнулись в воду.

– А я хотел с Кэти покупаться, – мечтательно признался Гарри, вынырнув на поверхность.

Тяжелая ладонь Виктора легла ему на макушку и придавила вниз, а Гарри, обхватив его ногами и вцепившись в плечи, вкарабкался выше. Вынырнув и выплюнув воду прямо в небритую физиономию, похвалил:

– Ты обнимаешься куда крепче.

Виктор снова притопил его как котенка, и Гарри, задержав дыхание, стукнул его по ребрам. Вода замедлила движение, так что удар получился так себе.

– Надеюсь, целоваться ко мне, как она, не полезешь, – просипел он, вырвавшись наверх.

Виктор вдруг оттолкнул его и посмотрел так, будто впервые увидел.

– Ты врешь, – понял он. – Специально меня злишь.

– Вру? – удивился Гарри. – Рассказать, какие у нее сладкие губки? Точно мед. И язычок.

Он поболтал языком, дразня Виктора, и тот отвесил ему быструю затрещину.

– Точно врешь, – с уверенностью сказал он. – Зачем? Я ведь и правда убить могу. Не хотелось бы просто так грех на душу брать.

– Сперва ты скажи, – потребовал Гарри. – Откуда здесь, в Лопушках, человек, знающий тайное искусство драконьего боя?

ГЛАВА 6. Тайны и секреты

Поставив противни в печь, я дала распоряжения Миле, а сама, вымыв руки и сняв фартук, пошла в свою комнату. Подходящий лист, скрепя сердце, вырвала из книги. Там как раз была пустая страница в самом начале. И бумага что надо – желтоватая, старая.

Сев за стол и поджав под себя ногу, я склонилась над страницей. Подумав, отодвинула ее на край стола, а сама взяла из ящика чистый лист и чернильницу. Сперва потренируюсь. Карта должна выйти без сучка и задоринки. Лоханки дракона не впечатлили, а вот озера – очень даже. Значит, карта должна провести его по самым живописным местам, чтобы он обалдел от красоты.

Прикусив язык, я набросала примерный маршрут: по перешейку между озерами, на скалу печальной птицы, потом кружок по счастливому лугу... Подумав, сделала петлю к воинскому камню. Ему должны нравиться такие штуки. Увлечшись, едва не забыла про мясо, но аромат пробился ко мне в комнату, и, вскочив со стула, я бросилась на кухню.

Достав жаркое, проследила за тем, как поднимается тесто, заглянула в холодильник и кивнула, попробовав пирожок, который дала мне Мила.

– Вкусно, – одобрила я. – Надо будет грибов побольше в этом году засушить. С грибами лучше всего уходят.

– Там Виктор с твоим вернулись, – сообщила она, кивнув в сторону окна.

– Хорошо, – промычала я, не став уточнять, что Гарри вообще-то не мой.

– Оба в синяках.

– Плохо, – нахмурилась я.

– Но вроде веселые. Вон, баню топят.

Я посмотрела на белый дым, который шел из трубы, и задумчиво дожевала пирожок.

– Отнеси им еды туда, – попросила я Милу. – Мяса положи, пирогов, огурчиков. В общем, собери всего, и морса тоже не забудь.

– Напитки у Виктора и свои есть, – усмехнулась она, но, встретив мой взгляд, не стала спорить.

А я вернулась в комнату и, посмотрев на карту и добавив пару штрихов, принялась перерисовывать ее начисто. Закончив, придирчиво оценила свою работу и, зайдя на кухню, поставила на карту несколько жирных пятен маслом, капнула вина и, войдя в раж, даже подпалила уголок, а после обсыпала бумагу песком. Стряхнув его, вытянула руку и полюбовалась. Кое-где рисунок размыло, зато выглядит достоверно. Теперь осталось аккуратно подсунуть карту дракону, чтобы он сам ее нашел в каком-нибудь подходящем месте, и я как раз знала такое.

В доме у Виктора было... странно: занавески из тонких

деревянных плашек на окне, гладкие чугунные приспособления в уголке, на стене карты и чертежи каких-то штук, назначения которых Гарри не мог угадать. Он сел на свободный стул, с любопытством озираясь, а Виктор крутанул шнурок, и деревянные занавески повернулись так, что отрезали солнечный свет, бьющий по глазам.

– Зачем в омут прыгал? – спросил Виктор, садясь напротив через стол.

– Захотелось, – пожал плечами Гарри. – Нельзя, что ли?

Виктор сердито посопел, оперся на локти и устремил тяжелый взгляд на Гарри.

– Тебе говорили, что один дракон уже утонул?

– Это невозможно, – возразил Гарри. – Драконы отлично плавают. Нарочно топиться бы тоже не стал – это противоречит самой нашей природе. Вот убить его могли. На теле нашли следы драки, сопротивления?

– Не нашли тела, – буркнул Виктор.

Гарри задумчиво потер подбородок, все еще ноющий после тяжелой руки соперника. Если это и правда червоточины, то вот еще одно доказательство – возможно, дракон ушел в мир иной, но не в печальном смысле, а в очень любопытном.

– В общем, давай придем к консенсусу, – предложил Виктор, хлопнув ладонями по столу.

– А это еще кто? – удивился Гарри.

– Договоримся, – пояснил мужик. – Ты не доставляешь

хлопот ни Катке, ни мне, а я, соответственно, больше не рихтую твою смазливую рожу.

– Так себе аргумент, – не согласился Гарри. – Тем более твоей роже тоже досталось. Что там банька, скоро?

– Сейчас раскочегарится, – пообещал он.

В дом, постучав, вошла женщина с подносом, от которого сразу запахло так, что рот наполнился слюной.

– Кэти просила передать, – пояснила она, улыбаясь при этом только Виктору.

Чуть полнотелая, с веснушками на курносом носу, еще вполне себе ничего... Виктор помог ей с подносом, провел до двери, незаметно шлепнув по попе. Вернувшись к столу, положил кусок мяса на хлеб, сверху порезанные кружочками помидоры и ломтик сыра.

Гарри снова потер ноющий подбородок, сопоставляя факты. Невероятно, но, кажется, все сходится: непонятные словечки, уникальные умения драконьего боя, странные вещи в доме и даже непривычная манера еды.

– Ответь теперь ты, мой угрюмый друг, – проникновенно попросил он, склонившись над столом и вглядываясь в непроницаемые глаза мужика. – Ты что, тот самый легендарный Витя Вэдэвэ?

Виктор запихнул себе в рот весь кусок хлеба вместе с мясом, сыром и помидорами, неотрывно пялясь на Гарри, и он продолжил:

– Герой сражения с Кепрским чудищем, создатель воен-

ных машин, поэт, изобретатель, картограф. Четырехкратный победитель в соревнованиях по драконьему бою. Обладатель кубка Прекрасной Люцисты. Это ведь ты! – он вскочил со стула и принялся ходить туда-сюда по комнате, в возбуждении потирая ладони и поглядывая на мужика, который жевал как ни в чем ни бывало. – Я должен был сразу догадаться! По рисунку на плече. Это ведь буквы иного мира? Ходили слухи, ты явился к нам сквозь червоточину, но я не верил... Это произошло тут, в озере?

Виктор молча подвинул к себе плоску с огурцами, и Гарри тоже взял один, задержавшись у стола.

– Я ведь почувствовал, когда в омут нырял, – признался он. – Там что-то странное. Но меня вытолкнуло прочь. Наверное, проход затянуло. А может, пускает не каждого. Или нужны какие-то условия.

Виктор задумчиво хрустел огурцом, а сердце Гарри переполнялось восторгом. Такой человек! Здесь! Да ради этой встречи он бы добровольно отправился в ссылку!

– Первые сведения о тебе появились лет двадцать назад, – вспомнил Гарри. – Я учил твою биографию в Академии. Правда, на портрете ты моложе. И похудее.

– Это не я, – буркнул Виктор, отхлебнув морс.

Гарри задержался у полки, приколоченной к стене, и с торжествующим видом взял запывлившийся кубок.

– Говорят, его отлили по форме груди прекрасной Люцисты, – сказал он, рассматривая подпись внизу. – Видимо, она

была пышной дамой. Это не кубок, а целая лоханка.

– На место поставь.

– За любую информацию о твоём местонахождении Владыка обещает сто монет золотом, – сообщил он.

Виктор вздохнул и размял пальцы.

– Я не буду никому говорить, – быстро пообещал Гарри. – Напротив. Чтобы ты поверил мне, я расскажу тебе свою тайну.

Виктор приподнял одну бровь и вопросительно посмотрел на него.

– У меня... – Гарри вздохнул. – В общем, не получается... – слова давались с трудом, он никогда не произносил это вслух. – Никак не выходит... Словно какой-то заслон или что.

– Что у тебя не выходит? – не выдержал Виктор. – Может, сока сливового дать?

– Крылья! – рассердился Гарри. – Крылья не раскрываются! Я дракон, но ни разу не обращался, понимаешь? Обычно к двадцати все летят, а мне двадцать семь – и никак. Оно вроде и не требуется пока: драконы защищают страну, а на нас никто не нападает, но слухи пошли. Я поэтому сюда и попал.

– Ты ж из-за дуэли, – сказал Виктор.

– Да, – подтвердил он. – Один приятель неудачно прошелся по моему драконьему достоинству.

Виктор хмыкнул и уткнулся в чашку с морсом, а Гарри

сел напротив и вытер о штаны вспотевшие ладони.

– Я отчего-то думал, что из-за бабы, – проворчал Виктор. – А ты, значит, достоинство защищал. По понятиям.

– Поможешь мне? – попросил Гарри. – Услуга за услугу. Я никому не рассказываю, что встретил в Горшочках Витю Вэдэвэ, а ты будишь моего дракона.

– А ты уверен, что он в тебе вообще есть? – обидно усомнился он.

– Уверен, – отрезал Гарри. – Наследственность, физические данные, устойчивость к высоким температурам...

– А это мы проверим прямо сейчас, – кивнул Виктор. – Банька, должно быть, готова.

– Почему дракон не пришел подписать бумаги? – требовательно спросил городничий, а Мэриан сердито глянула на меня из-за его плеча.

– Почему? – спросила она, насупив белесые брови.

– Я что ему, мама? – резонно поинтересовалась я.

Рен Кухт посопел, пригладил усы и стащил кренделек из тарелки.

– Где он?

– Где? – повторила за ним Мэриан, которая сегодня решила надеть все самое лучшее: платье с оборками, шляпку с перьями и бусики в три ряда.

Я хотела еще с ними попререкаться, чисто из принципа, но из кухни вышла Мила и ответила:

– Да в бане он, с Виктором. Я и еды им отнесла. Зайдите туда, рен Кухт, он все вам подпишет. А лучше пообедайте сперва, сегодня пироги удались на славу, – она бросила на меня быстрый взгляд. – Жаль, мясо пригорело...

– Дома поели, – отказался городничий, а Мэриан охотно схватила с тарелки румяный пирожок.

– Ничего оно не пригорело, – возразила я, повернувшись к Миле, когда эти двое ушли.

Она пожала плечами и уплыла на кухню, а я решила сегодня же поговорить с Виктором и выяснить, не слишком ли он расстроится, если я ее уволю. Не хватало еще, чтобы она перед гостями меня критиковала. Зайдя на кухню, я демонстративно отрезала себе кусок мяса, полила ягодным соусом и принялась уплетать за обе щеки, ахая и закатывая глаза от восторга.

Возможно, и правда слегка суховато, но с соусом в самый раз. Отодвинув занавеску, я глянула на задний двор. Мэриан доела пирожок, папаша заботливо отряхнул крошки с ее груди, поправил перо на шляпке, которое лезло в нос, а потом поднялся по ступенькам на крыльцо и постучал. Подождав, стукнул еще раз, потянул дверь и, пропустив Мэриан вперед, зашел следом.

Я подобрала куском мяса остатки соуса, положила в рот, и дверь в домике распахнулась, выпуская наружу Мэриан и красного как помидор городничего, который пытался прикрывать ей глаза. С интересом наблюдая, что будет дальше, я

налила себе компот и взяла хваленый пирожок. Мэриан сняла шляпу и принялась ею обмахиваться, а рен Кухт, достав из внутреннего кармана какие-то бумажки, опять пошел в дом.

Вернулся он очень быстро, взял Мэриан за руку и потащил прочь. Вслед за ними появился и Виктор, на котором было лишь полотенчко, повязанное вокруг бедер. Отдышавшись, он тряхнул головой и направился к погребу. Скрывшись в нем, вскоре выбрался наружу с какой-то бутылкой.

– За кем это ты наблюдаешь с таким интересом? – спросила Мила, выглянув в окно.

Как назло, полотенце свалилось с Виктора, и тот, особо не стесняясь, подобрал его с травы и пошел в дом. Мила фыркнула, а я отчего-то покраснела, как будто специально тут сидела у окна и ждала, чтобы полюбоваться голой задницей.

– Что там в зале, пока никого? – спросила я.

Раз уж Виктор занял моего дракона, то почему бы не воспользоваться моментом и не подложить карту туда, куда я и планировала.

– Снова уходишь? – поинтересовалась Мила.

– Ага, по делам, – ответила я. – Займись хлебом на завтра. А в начинку в следующий раз сыра не жалея, сочнее будет.

Она молча кивнула, но на ее лице так и застыла маска неприязни.

– Мила, Виктор мне как родной, – попыталась я все же объяснить. – Я буду очень рада, если вы поженитесь.

– Если? – многозначительно переспросила она и процедила: – Понятно. Иди, куда ты там хотела, я за всем присмотрю.

Вздыхнув, я снова сняла фартук, сходила в свою комнату за картой и, обувшись, вышла из таверны. Путь предстоял неблизкий.

– Это что было? – просипел Гарри, промокая выступившие слезы.

– Магическое зелье, – ответил Виктор.

– Жжется, – пожаловался он, – точно в горле огонь. Может, это уже дракон просыпается? Ну-ка, давай еще по одной.

– погоди, Шпифонтейн, – усмехнулся мужик, – закуси сперва.

Они перенесли еду в небольшой предбанник, здесь же Виктор сказал снять всю одежду. С Мэриан неловко получилось, но, судя по ее невозмутимому лицу, вряд ли им удалось ее чем-то удивить.

– Значит, ты решил удрать ото всех в эти Мисочки? – спросил Гарри, вылавливая из плоски огурчик. – Почему? Пытаешься вернуться в свой мир?

– Нет, – ответил Виктор, который после бани слегка похорошел. – Хотя за эти годы я много всего узнал про червоточины.

– Но ты все еще здесь.

– Наблюдательный какой, – похвалил мужик.

– Значит, не получилось?

Виктор помолчал, а потом улыбнулся – так мягко, словно вспомнил о чем-то очень для себя приятном.

– Я передумал, – коротко ответил он. – Из-за Катьки. Давай в баню, а то остыли совсем.

Гарри не стал спорить и вошел в парилку, и Виктор указал ему на среднюю полку.

– Ложись на живот. Сейчас попробуем разбудить твоего дракона.

– Значит, из-за Кэти? – переспросил Гарри, с некоторой опаской растягиваясь на лавке.

– Угу, – промычал Виктор.

Он снял со стены веник, взмахнул им пару раз и окунул в таз с водой.

– Ты что это собрался делать? – поинтересовался Гарри.

– Страшно?

– Нет, – вздохнул он, устраивая голову на руках.

Вопреки ожиданиям, Виктор не стал лупить его изо всех сил, а сперва разогрел кожу легкими ударами.

– Она мне нравится, – признался Гарри, и тут же зашипел сквозь зубы, когда ягодицы обожгло прутьями.

– Забудь, Шпифонтейн.

Веник без устали хлестал Гарри по плечам, лопаткам, пояснице. Виктор плеснул водой на камни, и в бане стало еще жарче.

– Я вынырнул в правой Лоханке, – сказал он. – Лет два-

дцать назад, а может и больше. У вас время по-другому исчисляется, и солнце быстрее идет. Сложно посчитать. Поначалу думал, тронулся. А потом понял, что все по-настоящему, и даже обрадовался. Мир у вас интересный, но по сравнению с нашим слегка отсталый.

– Так чему же ты радовался?

– Думал, стану героем, – усмехнулся Виктор.

– Ты ведь и стал. Витя Вэдэвэ. Наверняка у вашего певца есть баллады в честь тебя.

– Здесь никто не знает, кто я, – ответил он, стегая его веником. – И ты обещал не говорить. Да, мне было интересно. Словно герой книги. Все эти подвиги, сражения, прекрасные дамы... Но однажды я понял, что все чаще вспоминаю о женщине, которую встретил самой первой в этом мире. Она была такая... С ней тепло было, словно домой пришел. Не знаю, как еще сказать. И я все думал – зачем эти подвиги, геройства, когда можно было просто остаться с этой женщиной, жить, любить ее, рожать детей... В общем, решил вернуться посмотреть, как она, где она. Только опоздал.

Он обмакнул веник в таз и принялся бить куда сильнее.

– Терпимо, дракон?

– Она оказалась замужем? – прокрихтел Гарри.

– Умерла. Но у нее осталась дочь.

– Так Кэти все же твоя?

– Да не знаю я, – огрызнулся Виктор. – Говорю же, время по-другому у вас идет. И у меня в самом начале так все сме-

шалось: то Владыка, то чудовище, то принцесса Турамах.

– А ее ты тоже?..

– Это не имеет никакого значения, – скромно ответил он. – Вот скажи, похожа на меня Катька?

– Нет, – не стал врать Гарри.

– И я так думаю, – вздохнул Виктор. – Но потом решил – какая разница, кровная она мне или нет. Все равно уже как родная. Хорошая она, теплая, как и ее мать. Поэтому, Шпифонтейн, чтоб не подкатывал к ней свои драконьи... Понял?

– Понял, – ответил он. – Может, хватит меня бить?

Виктор поводил веником туда-сюда, гоняя воздух по спине Гарри, и он добавил:

– А хотя, давай еще. Даже приятно.

После бани Виктор окатил его чистой водой, и Гарри, сев на лавку, прислонился к стене, блаженно прикрыв глаза.

– Хорошо, – выдохнул он.

Во всем теле была абсолютная легкость, как будто он мог взлететь прямо сейчас и без всяких крыльев.

– А то, – довольно усмехнулся Виктор. – Крепкий ты, Шпифонтейн. Может, и правда дракон.

– Это не подлежит никакому сомнению, – поднял Гарри указательный палец.

– Чего ж твои крылья не открываются, – задумался он. – Может, это как с парашютом?

– С каким парашютом? – не понял Гарри.

– Высоты не хватает, – пояснил Виктор, наливая ему еще магического зелья. – Просто не успевают раскрыться.

– Хм, – Гарри почесал подбородок. – В этом что-то есть.

– Вэдэвэ плохого не посоветует, – подмигнул ему Виктор и стукнул своим стаканом об его. – Ну, за парашют.

Голоса я слышала издалека.

– Полковнику никтоооо не пишет, – басом тянул Виктор.

– Полковника никтоооо... – вторил ему Гарри.

– Дай сюда свою балалайку, – сердито перебил Виктор, и струны лютни жалобно тренькнули. – Фальшивишь, салага.

Свернув с тропинки, ведущей к таверне, я направилась к храму, откуда и доносилась песня. Уже вечерело, и на небе появились первые звезды. Стрекотали сверчки, а от правой Лоханки доносился лягушачий хор.

Резкие аккорды заглушили сверчков, и даже лягушки затихли.

– Вот так, понял? – спросил Виктор.

– Лютню отдай, – жалобно попросил Франтик, который, кажется, чуть не плакал.

Я обогнула кустарник и вышла к храму.

– Что вы тут делаете? – требовательно спросила я, и струна лютни, жалобно взвизгнув, порвалась.

Франтик выхватил лютню из рук Виктора и прижал ее к груди, баюкая как ребенка.

– Мы тут это... – подозрительно замялся Гарри.

– Все нормально, Катюха, – заверил меня Виктор. – Шпифонтейн, оказывается, и правда дракон. Сейчас запустим его – и как полетит...

– Куда ты его запускать собрался? – спросила я, потихоньку зверея.

– Не куда, а откуда, – наябедничал мне Франтик, на всякий случай отступив ко мне поближе и спрятавшись за моей спиной. – С колокольни.

– Что? – ахнула я и уперла руки в бока. – Значит, сперва ты его побил, а теперь собрался скинуть с колокольни? Ты в своем уме?

Виктор виновато улыбнулся, а потом толкнул локтем Гарри.

– Правда, она очень милая, когда злится?

– Правда, – с готовностью согласился Гарри. – Франциск, давай звени, мне нравится эта песня. Или лучше ту, про группу крови. Пожелай мне удачи, Кэти, – пропел он и потянул на себя дверь колокольни.

Я быстро закрыла ее, прислонившись спиной и загораживая проход.

– Только через мой труп! – заявила я.

Гарри уперся рукой в дверь возле моего лица и, склонившись, посмотрел мне в глаза. От него пахло вишневой настойкой и березовыми вениками Виктора, а губы оказались так близко...

– Ты просто ведьма, Кэти, – прошептал он, и я вздрогнула. Как? Где я прокололась? Откуда он узнал?

– Твои глаза меня околдовали, – продолжил Гарри, и я выдохнула. – Или ты приворожила меня своими солеными огурчиками?

Он намотал выбившуюся из косы прядь себе на палец, склонился еще ниже...

– Э, Шпифонтейн, – оттянул его за шиворот Виктор. – Уже забыл, что обещал? Катюха у меня прямо тут, в сердце, – он стукнул себя кулаком по груди. – Люблю я ее.

– Да понял, понял, – заверил Гарри и, бросив на меня взгляд, полный сожаления, отстранился и обнял Виктора за плечо.

– Возможно, наш план – так себе, – признал тот. – Давай еще помозгуем.

– А я вот чего не понял, Витя, – сказал Гарри, когда они оба пошли к таверне. – Откуда ты все же знаешь наш драконий бой?

– Есть у меня соображения о том драконе, что утонул тут, в Лоханках...

– Я так и думал! Значит, его к вам...

– Зачем они вообще это затеяли? – спросила я Франтика, когда они скрылись за кустами.

– Понятия не имею, – буркнул он, подкручивая струны. – Они друг друга стоят. Дракон еще ничего, а вот твой Виктор мои песни высмеял. И лютню отобрал. И ничего он не пони-

мает ни в поэзии, ни в музыке!

Его голос сорвался и я, вздохнув от безысходности, предложила:

– Спой мне. Я, конечно, тоже ничего не понимаю, но вдруг...

– Ладно, – снисходительно согласился Франтик и, приосанившись и откинув назад кудрявую челку, объявил: – Чуткое сердце поэта. Слова Франциска Звениящего. Музыка... Впрочем, я тебе просто продекламирую. А то струну порвали, варвары.

Я прислонилась к двери колокольни и запрокинула голову, глядя на звезды. Франтик рассказывал что-то про чуткого парня, которого жестокая девушка променяла на другого, совсем не чуткого, и потом пожалела, но было поздно, а я думала про дракона. Теперь он точно хотел меня поцеловать. Может, и правда чувствует деву, не ведающую блуда? Явно ведь в этом дело. А вовсе не в моих глазах или тем более огурцах. Я фыркнула, и Франтик, прервавшись, с подозрением на меня уставился.

– Очень трогательно, – всхлипнула я. – Продолжай.

Сзади раздавались голоса мужчин, которые спорили о драконах, рукопашном бое и Лоханках, но Мила быстро шла вперед, а ее сердце переполняла черная злоба.

Увидев, что Виктор ведет куда-то ссыльного, Мила решила присмотреть за ними, а в итоге услышала то, о чем уже

давно подозревала.

Виктор любит Кэти. Кэти в его сердце. А Мила, выходит, совсем для другой части тела. Раз сердце уже занято. Она быстро вытерла злые слезы и сжала пальцы в кулаки.

Ну уж нет. Она никому не позволит делать из себя посмешище. Если эта рыжая вертихвостка думает, что может вот так просто взять и увести у нее мужика, то сильно ошибается.

Зайдя в таверну, Мила проигнорировала гостей, которые требовали добавки, взбежала по лестнице и направилась напрямик в комнату дракона.

– А ты, Шпифонтейн, аккуратист, – оценила она, окинув взглядом ровно заправленную постель и сложенную одежду.

То, что нужно, она нашла на щетке, лежащей перед зеркалом в ванной. Короткий темный волосок она завернула в салфетку и спрятала в карман. Посмотрев в отражение, поправила прическу, пощипала бледные щеки и пошла прочь.

Не только Кэти может строить из себя умную, Милу тоже читать научили. Одну книгу она даже украла из библиотеки и изучила от корки до корки, жалея, что никогда не сможет воплотить в жизнь самые действенные рецепты, изложенные в «Наследии ведьм». Но теперь у нее есть ингредиент, с помощью которого она станет почти всемогущей. Лучше бы кровь, конечно, но и волос пойдет.

Сбежав по лестнице, Мила вильнула за стойку и подала лесорубу кружку морса. Виктор – это только полдела. Когда

Кэти не станет, кто займет ее место? Городничий не захочет, чтобы Лоханки остались без таверны и всячески поспоспоспобствует ее сохранению. А она, Мила, все знает, все умеет, она практически заменила бедной девочке мать. Так горько, что Кэти погибла. Такая молодая, жить бы да жить...

Лесоруб шарахнулся от злорадной ухмылки Милы, посмотрел с подозрением на полупустую кружку морса, а потом еще и принюхался.

– Да пей уже, – в сердцах выпалила Мила. – Ветром мне надуло. Щеку щемит.

– А, – настороженно протянул мужик. – Капусту приложи – и как рукой...

Он вернулся за стол к друзьям, оглядываясь на Милу, а в таверну ввалились Виктор с драконом.

– Здравствуйте, гости дорогие, – заботливо прошептала она. – Желаете откусать чего-нибудь?

– Я спать, – сообщил Гарри и, хлопнув Виктора по плечу, пошел к лестнице.

Вскоре раздался глухой удар и следом – приглушенное ругательство.

– Балка низкая, голову береги! – выкрикнул ему в спину Виктор, а потом устремил взгляд на Милу.

И ведь как смотрит, зараза. Ни за что не поверишь, что о другой мечтает.

– Может, зайдешь сегодня? – тихо предложил Виктор.

И вот так уже с год: тайком, по ночам, и ни предложений,

ни слов любви.

– Сегодня я занята, – отрезала она.

Мелькнула мысль отомстить и ему. Но, впрочем, что с него взять? Мужики по натуре своей слабые. Если какая подмигнет – тут же готовы следом бежать. Кобели.

– Завтра, – пообещала Мила, улыбнувшись.

ГЛАВА 7. Хижина

Гарри проснулся и тихо застонал. Видимо, он все же упал с колокольни, причем головой вниз, иначе откуда эта боль? Вчерашний день был полон прекрасных событий, открытий и знакомств, но за все в этой жизни надо платить. Шаркая ногами, как старик, Гарри поплелся в ванную, где кое-как привел себя в порядок, а потом спустился вниз, рассчитывая выпить целую лоханку морса.

Кэти встретила его угрюмым взглядом, а после скрылась в кухне и, вернувшись, бухнула на стойку дымящуюся тарелку.

– Суп? – поморщился Гарри. – На завтрак?

– Ешь, – сурово приказала Кэти.

Шмыгнув носом, Гарри взял ложку непослушными пальцами, зачерпнул горячую жижу, в которой плавала какая-то трава, и через силу влил ее в себя. Желудок возрадовался так, будто этот суп доставили прямиком из божественных чертогов.

– Восхитительно, – пробормотал Гарри, черпая живительный супчик. – Великолепно. О, как хорошо... Кэти, запиши на мой счет еще монету серебром. Две монеты.

– Три, – хмуро пообещала она. – Одну добавлю за твою пустую голову. Вы что это вчера с Виктором вздумали?

Надо признать, план с колокольней был так себе, хотя вче-

ра Гарри был уверен, что полетит. Он совсем не аристократично взял тарелку в руки и доел суп прямо из нее.

– Еще? – спросила Кэти.

– Еще, – кивнул он.

Кэти вернулась с добавкой, и Гарри окинул девушку внимательным взглядом, пытаясь представить ее без золотых кос и со щетиной. Может, и похожа. Вон какая суровая: брови свела, насупилась, глаза так и сверкают.

– Чего уставился? – поинтересовалась она.

Хмыкнув, Гарри принялся за вторую тарелку, теперь не торопясь и наслаждаясь вкусом.

– Думаю, не открыть ли мне ресторан в столице, – сказал он. – Хотя бы ради того, чтобы есть вот такой кисленький супчик с похмелья. Только тебе, Кэти, придется поработать над манерами. Если какой-нибудь гость проявит интерес, то хотя бы сделай вид, что тебе приятно.

Она скорчила рожицу, которая больше походила на оскал, чем на улыбку.

– Мне твоя столица и даром не сдалась. Ксандр, какими судьбами?

Рядом с Гарри опустился парень, ненароком толкнув плечом так, что очередная ложка пролилась на стойку. Кэти тут же вытерла супчик и одарила незнакомца вполне искренней улыбкой.

– Да вот, решил заглянуть, – пробасил парень. – Ты что-то давно не заходила.

– Дела, – ответила Кэти, все так же улыбаясь верзиле.

Гарри покосился на Ксандра, который отчего-то вызывал в нем глухую неприязнь.

– Завтракать будешь? – продолжила любезничать с ним Кэти.

– А блинчики есть?

Кивнув, Кэти скрылась, а Ксандр повернулся к Гарри, опять задев его плечом – теперь явно не случайно.

– Слышь, чешуйчатый, – просипел парень, щуря и без того глубоко посаженные глазки. – Ты бы тут поменьше зубы скалил, а то как бы не досчитался парочки.

Взяв ложку, Ксандр демонстративно согнул ее и завязал в узел.

– Зачем столовые приборы портить, – укорил его Гарри и, забрав ложку, разогнул и с легкостью разутюжил пальцами. – Не надо огорчать Кэти.

– Только поэтому ты еще не нюхаешь мои ботинки, – сообщил Ксандр, склонившись к нему. – Кэти не хочу огорчать. Она моя невеста, знал?

– А она об этом знает? – спросил Гарри.

У него никак не получалось представить их вместе. Кэти, такая живая и красивая, рядом с бугаем, у которого в голове, слишком маленькой для широких плеч, явно одна извилина – нет, невозможно.

Вопрос оказался не в бровь, а в глаз, потому как парень покраснел, запыхтел и, вскочив со стула, сжал кулаки.

– Я тебя одной левой, – самонадеянно заявил он и, вопреки своим словам, взмахнул правой.

Гарри пригнулся, отхлебнув заодно супчик, и рука пролетела сверху, как наковальня. Выпрямившись, пнул ногой парня, который шагнул слишком близко. Взыв, тот сперва поджал колено к груди, а потом рванулся вперед всем телом, как бешеный бык. Крутанувшись на стуле, Гарри подтолкнул его, ускорив движение, и тот впечатался в стену.

– Что тут происходит? – воскликнула Кэти, появляясь с горкой блинов на широкой тарелке. – Саня, ты что, вздумал бить моего гостя? А ты! – она повернулась к Гарри. – Только приехал, и все дерешься! За поломанную мебель я с тебя втрое сдеру, так и знай!

В ее голосе прозвенел металл, и Ксандр, отряхнувшись и виновато улыбнувшись щербатым ртом, шагнул к Гарри и хлопнул его по плечу – да так, что то сразу заныло.

– Что ты, Кэти, – успокоил он ее. – Мы с драконом почти подружились. Правда ведь?

Поднявшись со стула, Гарри тоже хлопнул парня по плечу, вложив в удар все свое дружелюбие.

– Точно, – подтвердил он и сжал мышцу, загоняя в нее пальцы, так что простоватую рожу Ксандра слегка перекосило от боли. – Саня – отличный парень.

– У нас много общего, – подтвердил тот, вновь заехав по плечу – в то же место, зараза.

– Это такая мужская дружба, – согласился Гарри, притя-

гивая его к себе, а заодно незаметно выставляя кулак другой рукой, чтобы попасть точно под дых.

– Хватит, – приказала Кэти. – Ты, – посмотрела на Ксандра, у которого от дружеских объятий перехватило дыхание, – ешь свои блины. А ты, – теперь взгляд на Гарри, – пойдем.

– С тобой – куда угодно, – любезно согласился он, приложив напоследок Санька по хребту.

Лопатки пока не чесались, но надо дать этим отношениям шанс.

Дракон бодро шагал за мной следом, насвистывал вчерашнюю песню, которую они горланили на пару с Виктором, и выглядел возмутительно довольным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.